СВЕТЛАНА АЛЕШИНА

Секс, ложь и фото

Сериал «Папарацци»

Папарацци

Светлана Алешина

Секс, ложь и фото (сборник)

«Научная книга»
2000

Алешина С.

Секс, ложь и фото (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Папарацци)

Главный редактор газеты «Свидетель» Ольга Бойкова становится очевидцем ночного наезда «шестерки» на молодого, но уже прославленного фотохудожника. Неужели за ним охотятся? Имя Александра Шилкина ассоциируется у обывателя со скандалами и эпатажем. Вот и сейчас его собираются арестовать, обвиняя в причастности к убийствам проституток, которых он фотографировал для своего нового альбома. Ольга решает спасти поразившего женское сердце красавца от несправедливой клеветы. Но стоит ли доверять фотогению, помешанному на культуре Древнего Египта и возомнившему себя верховным владыкой Ра?

© Алешина С., 2000
© Научная книга, 2000

Содержание

Секс, ложь и фото 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Светлана Алешина
Секс, ложь и фото (сборник)

Секс, ложь и фото

Глава 1

Итак, зима. Настоящая, а не просто календарная. Сегодняшнее утро – ее подлинный образчик: холодная небесная голубизна, ослепительное сияние воинственного солнца, каждый луч которого полосовал сетчатку точно стальным клинком, искрящийся снег, укрывший тротуары и безжизненно-черные ветви, спаленные жгучим морозом оставшиеся от осени редкие листья. В душе стерильная ясность и бесплодная мерзлота. Настроение с утра, сами понимаете, неважное. Конечно, можно было в целях моральной поддержки процитировать: «Мороз и солнце, день чудесный…», но я засомневалась в лечебном эффекте этих божественных строк, наполненных радостным предвосхищением любовного свидания, не имеющего ко мне, увы, никакого отношения.

Под вечер уныние дало течь и подобно мощному «Титанику» погрузилось на дно моей души, дав место для всплытия чувству, с трудом поддающемуся описанию. Во мне забурлило какое-то нетерпеливое, лихорадочное ожидание чуда, как бывает в предновогодний вечер… Я не просто испытывала трепет, меня прямо-таки била нервная дрожь. Чтобы поддержать сумасшедший настрой, это невесть откуда свалившееся на меня «сатори», я включила в машине радио, нашла французскую волну и принялась внимать зажигательно-чувственному шансону. Вдруг дикторша журчащим голоском объявила встречу с именитыми писателями Франции на предмет так называемого страха перед белой страницей.

Ладно, послушаем. Может, лучше успокоиться и не поддерживать дерзкий порыв, который, родившись где-то глубоко в моем сердце, захватил меня, готовый превратить в летучего голландца.

Что же наши французы, труженики пера? Патрик Рамбо стал утверждать, что внезапного вдохновения не существует. Как только у тебя появляется сюжет, ты не перестаешь о нем думать, причем думать со всей конкретностью. Нужно погрузиться в сюжет, имея желание и волю для его развития.

Разумно.

Дальше он трепался на тему вынужденного бездействия, когда вдохновение, которому мудрый Патрик отказал в существовании, не хочет предстать перед ним во всей своей завораживающей наготе. Что же делает наш мэтр? Рецепт прост: он гуляет, смотрит телек, занимается кухней, перечитывает старика Дюма. Спустя час, заверяет Рамбо, или на следующий день все приходит в норму. Работа сдвигается с мертвой точки. И все-таки Патрик признает, что теряется перед первой страницей. Начало повествования определяет дальнейшее развитие, поэтому оно архиважно и сложно. И тут же Патрик отрицает, что испытывает «боязнь белой страницы». Вернее, он разграничивает два понятия: «первая» и «белая». Мой пятнадцатилетний опыт журналиста, утверждает он, позволяет мне пренебречь всей этой романтической сумятицей и смело приступить к работе.

А ты, Бойкова, испытываешь ли ты страх перед белой страницей? Этот вопрос, признаюсь, привел меня в замешательство. Иногда – да, иногда – нет, – только и нашлась я что ответить.

Приветливо светящийся огнями город плыл за окнами моей «Лады». Я почувствовала, что-то радостное, на грани тихой и сладкой истерики, напряжение, заставившее меня включить радио, ослабло. Я взяла с соседнего сиденья бутылку минералки и, сделав несколько глотков, положила ее на место.

Дальше шли выступления других французских писателей, щедро делившихся мыслями о современной литературе. Ив Симон, например, заявив о полной несовместимости любовной горячки с письменной, сказал, что…

Я резко вывернула на Цветочную улицу возле магазина «Провансаль». Плохо освещенная, она казалась хранительницей древней тайны. Душераздирающий визг тормозов и тень, с акробатической легкостью перелетевшая через капот резко стартовавшей в нескольких метрах от меня машины, заставили усомниться в правоте моего инстинктивного порыва. Я уже не слышала, что вещало французское радио.

Если бы не характерный стук тела о поверхность машины, которая исчезла с быстротой молнии, можно было бы воспринять этот прыжок как часть спектакля в театре теней.

Я затормозила. Выскочила из машины и рванулась к лежащему на дороге человеку. Не успела я подбежать, как он принял сидячее положение и стал потирать левую руку. Вблизи мне удалось рассмотреть, что это мужчина лет тридцати пяти в коротком черном пальто.

– С вами все в порядке? – задала я идиотский вопрос.

Мужчина поморщился, но бодро произнес:

– Кажется, да.

На его лице появилась несмелая улыбка, которая по мере того, как он вглядывался в мою озадаченную физиономию, стала приобретать нахальную ширь голливудского оскала.

– Вы прибежали меня спасать? – насмешливо произнес он. – Не стоит беспокоиться.

– Ну как же? – растерянно пожала я плечами. – Вас же чуть не задавили! Давайте я помогу вам подняться.

Я наклонилась и протянула руку.

– Не надо, я сам, – он медленно поднялся – цел и невредим, – улыбка была натуральной.

– Вам невероятно повезло, – я смотрела на него, как на сошедшего с экрана Киану Ривза или Бельмондо.

– Обычное трюкачество, – с небрежной интонацией ответил он.

– Вы полагаете, это случайность?

– Не забивайте себе голову, – он посмотрел на меня, как обычно смотрят уставшие от чудачеств своих пациентов психиатры на очередную жертву раздвоения личности.

Мужчина был чуть выше меня. Шатен. Его худощавая стройность и лукавый прищур определенно нравились мне. Проницательные темные глаза, прямой нос и четко очерченный рот. Суровая мужественная лепка лица, складка между бровями, выступающие скулы и сексуальная припухлость губ лишали его тонкие черты какого бы то ни было намека на смазливость. Он держался уверенно и непринужденно. И, по всей видимости, обладал неплохим чувством юмора.

– Ну что ж, – усмехнулся он, – если уж так все получилось, давайте знакомиться.

Пригладив густые жесткие волосы, он протянул свою пятерню мне.

– Александр.

Я подала руку в ответ. Он бережно взял ее и, галантно наклонившись, поцеловал. Я оглянулась. Пустынная тихая улица была единственной свидетельницей этой полуночной куртуазности.

– Ольга. Правда, смешно? – застенчиво улыбнулась я. – Стоим здесь…

– Ну и что, не разбились, слава богу. – Александр поглядел на часы. – Половина первого. Вы всегда так поздно ездите?

– А вы всегда так поздно гуляете? – в тон ему спросила я.

Он пожал плечами и отрешенно уставился в дальний конец улицы.

– Я еду от подруги, – тихо проговорила я, – а здесь вдруг такое! Вас определенно кто-то хотел убить.

– Да бросьте, – выйдя из задумчивости, он с беззлобной насмешкой посмотрел на меня и снова потер левую руку, – кому я нужен?

– Что у вас с рукой? – обеспокоилась я.

– Открытый перелом со смещением, – пошутил Александр.

– А что, если нам поехать ко мне? – смело предложила я. – Надо все-таки обследовать вашу руку.

– Спасибо за заботу, но не стоит хлопот, хотя… – Он напряженно вглядывался в окрестную тьму, будто думал увидеть что-то.

– Машина двигалась с незажженными фарами, – озабоченно сказала я, – вы не догадываетесь, кто это мог быть?

– А что, давайте где-нибудь выпьем, – вместо ответа предложил Александр, – бар «Грива» должен еще работать.

– Я не пью за рулем, – с сожалением произнесла я, – но чашка кофе мне не повредит!

Я заулыбалась как последняя идиотка.

– Отлично, – просиял Александр, – вы отважитесь взять на борт такого опасного пассажира, как я? – улыбнулся он.

Улыбка, надо сказать, была его коньком. Какая масса оттенков! Она составляла львиную долю его обаяния. Ему вполне можно рекламировать какой-нибудь «Орбит Уинтефреш» или «Блендомед-комплит».

– Мне ничего не остается делать, – с юмором отозвалась я, – прошу.

Я сделала гостеприимный жест, немного напоминающий пас тореадора: слегка нагнулась, обе руки отвела влево. Александр тут же оценил всю комичность моего движения.

– Вам не хватает только бархатной тряпки – и можно на арену. Думаю, особых манипуляций, чтобы победить быка, вам не потребуется. Он бы замертво упал, не в силах устоять перед вашей красотой.

– Красота – страшная сила, – засмеялась я, – только я не такого высокого мнения о себе, как… – Я запнулась в смущении.

– Как окружающие мужчины, – помог закончить фразу мой новый знакомый.

– Вот, вот, – я лукаво посмотрела на него.

Мы сели в машину и направились в сторону центра.

– Вы увлекаетесь французским шансоном? – спросил Александр.

В салоне звучала задыхающаяся от нарастающего волнения песня из «Шербурских зонтиков» в исполнении Азнавура.

– До того как стать свидетельницей вашего акробатического трюка, я питала надежду услышать нечто подобное – щемяще-нежное или мажорное. Но передавали встречу с писателями…

– Вы понимаете по-французски?

– И по-английски тоже…

– Переводчик, – предположил Александр, который, вежливо испросив у меня разрешения, дымил в салоне.

– Не угадали, – лукаво улыбнулась я, – фотокорреспондент в одной из тарасовских газет.

– В какой? – заинтересовался Александр.

– Секрет. – Я остановила машину у светофора. – Так куда мы едем, в «Гриву»?

– А что?

– Просто мне кажется, не совсем спокойное место, – засомневалась я, – там же…

– Полно всяких неотесанных типов и проституток? – с вызовом спросил Александр.

Я только пожала плечами.

– Ну, если вы не хотите, – надулся он, – тогда высадите меня у перекрестка.

– Но ведь можно подыскать что-нибудь…

– Предпочитаю злачные заведения, – резко произнес Александр, – я лишен предрассудков и плюю на ханжескую мораль, стерильные рестораны не по мне. В них есть все: хорошая кухня, сервис, приличное общество, атмосфера интима… Все, кроме жизни. А я гоняюсь именно за ней!

Последнюю фразу он выговорил с каким-то ожесточением.

– Гоняетесь за жизнью? – я с недоумением взглянула на него.

– За впечатлениями, за эмоциями… – более спокойно произнес он.

– Тогда понятно, почему на вас наехали, – многозначительно улыбнулась я, – а чем, если не секрет, вы в этой жизни занимаетесь?

– Я – фотограф, ваш коллега, – он скосил на меня свои карие глаза.

– Вот так да! – воскликнула я с детской непосредственностью.

Александр засмеялся.

– Кстати, – сказал он, – я совсем недавно побывал на выставке некоей Боковой… По-моему, правильно. «Бремя страстей человеческих». Некоторые фото меня просто потрясли. Хотелось бы познакомиться с автором, но не нашлось времени. Я должен был лететь в Прагу.

– Бойковой, – поправила я.

– Что? – не понял Александр.

– Фамилия той фотохудожницы, чьи работы вы оценили, – Бойкова.

– Возможно, – меланхолично отозвался Александр, – вы с ней знакомы?

– Теперь и вы с ней знакомы – это я.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Не может быть!

– Может. В жизни, за которой вы гоняетесь, все может быть. Только как же удается гоняться за тем, частью чего являешься, пребывая словно в глубине вечного моря?

– Вечного моря… – задумчиво произнес Александр, – это вы хорошо сказали: вечное море.

У него был отсутствующий вид. Вообще меня поражали та легкость и быстрота, с которыми живая улыбка на его подвижном лице сменялась задумчиво-отрешенным выражением. В нем были и простота, и сложность. Эти качества смешивались в таких диковинных пропорциях и порождали такие неожиданные, подвластные множеству истолкований реакции, что я терялась в догадках: что это – проявление его наплевательского отношения к себе подобным или природная застенчивость, ранимость, заставляющая иной раз выражаться с такой резкостью? В общем, эта гремучая смесь будоражила мое воображение, пробуждая во мне, как в исследователе человеческих душ, живой интерес.

– Вы завсегдатай в «Гриве»?

– Ну, как вам сказать, – продолжал «отсутствовать» Александр, – что-то вроде… Хотя… Скорее нет. Захожу иногда пропустить рюмочку, поболтать с посетителями. Там собирается преинтересная публика.

– Богема?

– И богема тоже. Всякий сброд. Мне это нравится. Думаю, и вам будет интересно. Найдете материал для следующей выставки.

– Не исключено, – улыбнулась я.

Я затормозила у старинного двухэтажного особняка, в подвальном помещении которого размещался кафе-бар «Грива». Рядом стояли еще две машины: старенькая «Мазда» и видавший виды «Ситроен». Перекинув через плечо ремень «Никона», с которым старалась не рас-

ставаться ни при каких обстоятельствах, я подождала, пока Александр выберется из машины. Нажав на кнопку брелока, заблокировала дверцы.

У входа в кафе о чем-то горячо спорили два подвыпивших или обкуренных подростка, одетых, несмотря на холод, только в джемперы.

«Вышли подышать свежим воздухом», – подумала я и, обойдя их, стала спускаться по длинной мрачной лестнице, освещенной одной-единственной лампой.

Александр, держа руки глубоко в карманах пальто, неторопливо шел следом. Когда я открыла дверь и очутилась в холле, передо мной оказалось довольно уютное просторное помещение с мягкими кожаными диванчиками. С одной стороны был гардероб, возле которого, оперевшись спиной о стену, курили две девицы в черных супермини, с другой – узкий коридор, ведущий к туалетным комнатам. У входа в зал скучал детина в камуфляжной форме с резиновой дубинкой на поясе.

На одном диванчике, стоявшем неподалеку от стойки гардероба, развалился нагловатого вида симпатичный парень лет двадцати пяти в черном кожаном пиджаке нараспашку. Он сидел с отрешенным видом, словно ждал кого-то. На стенах из красного кирпича висели несколько зеркал в бронзовых рамах, между которыми были наклеены рекламные плакаты и афиши, одна из которых извещала о скором приезде в Тарасов Ванессы Мэй. Билеты, как явствовало из наклеенного на афишу объявления, можно было приобрести тут же в гардеробе.

Пока мы раздевались, распахнулись двери, ведущие в зал, и оттуда выбралась хорошо подвыпившая компания. Две совсем молодые девицы в точно таких же мини, как у куривших в холле, поддерживая под руки двух ребят, направились к гардеробу.

– Марго, – подозвал одну из них красавчик в кожаном пиджаке. – Ты ничего не забыла?

– Сейчас, Дени, – отозвалась Марго.

Мы с Александром были уже у входа в зал, но я успела заметить, как девица, прислонив своего кавалера к стеночке, открыла сумочку и, достав что-то оттуда, сунула в руку парню.

Большой зал, пол которого был выложен голубой и белой плиткой, напоминал колониальное бунгало и современный офис солидной адвокатской конторы одновременно. Помещение освещалось причудливой формы бра, закрепленными над столами из искусственного камня, напоминавшего мрамор. Их терракотово-бежевая поверхность гармонировала с плетеными креслами, на которых лежали мягкие пестрые подушки. Столики отделялись один от другого остролистыми пальмами в деревянных кадках.

Бар был полон, из дюжины столиков свободными оказались только два или три, но мы, миновав их, прошли к стойке. Я посмотрела на банкетки, опасаясь за их устойчивость.

– Привет, Пахом, – словно старому знакомому кивнул Александр бармену. – Налей-ка мартини и чашечку кофе.

– Давненько к нам не заглядывал, – сказал Пахом, ставя перед Александром бокал. – Как успехи?

– Нормально, – отозвался мой спутник, оглядывая зал. – У вас как?

– Да что у нас, – поморщился Пахом, наполняя бокал со льдом светло-желтой жидкостью, – все одно и то же. Кстати, твой «Полароид» у меня. Заберешь?

– Потом, – отмахнулся Александр.

Пахом пододвинул мартини Александру и принялся за кофе. За стойку со стороны Александра подсел невысокий мужчина лет сорока. Его русые волосы были выбриты полосками, сзади торчала тоненькая косичка.

– Пришел отдохнуть? – Он оперся о стойку и посмотрел на меня. – А это новая моделька? Хороша, ничего не скажешь!

– Отвали, Вован, – локтем отодвинул его Александр. – Набрался уже?

– Так ведь ночь на дворе, – продолжая пялиться на меня, ответил Вован. – Посиди здесь с мое, тоже наберешься.

– Кончай трепаться, – с раздражением произнес Александр и повернулся ко мне. – Пойдем за столик.

Я не возражала, тем более что кофе уже приготовили. Расположившись за столиком, я принялась разглядывать отдыхающих. Здесь были люди в основном молодого возраста, начиная от студентов и кончая людьми типа Вована – без определенного рода занятий, которые проводят здесь большую часть времени, находя на это деньги только известными им путями. Я сделала маленький глоток кофе, удивительно крепкого и ароматного, и достала пачку «Винстона». На столах стояли пепельницы, здесь можно курить. Впрочем, это было очевидно – под сводом потолка плавали клубы сигаретного дыма.

– Уверена, что не хочешь чего-нибудь покрепче? – посмотрел на меня Александр.

– Уверена, – ответила я. – А здесь не так плохо, как я себе представляла.

– Сюда заходят довольно интересные типчики, – улыбнулся Александр, потягивая мартини.

– Можно узнать, где ты работаешь?

– Я свободный художник, – улыбнулся Александр и шутливо добавил: – В профсоюзе не состою, беспартийный, не женат, не участвовал, не привлекался… и тэ дэ, и тэ пэ.

– Понятно, – кивнула я. – А на что же, извини за нескромный вопрос, живут беспартийные свободные художники? Впрочем, можешь не отвечать.

– Ну почему, – он сделал несколько больших глотков, – никакого секрета в этом нет. Я уже выпустил несколько альбомов своих фотографий. Сейчас готовлю еще, а один скоро выйдет из печати.

– Не боишься за качество полиграфии?

– Альбом печатается в Финляндии.

– Ого, солидно.

– Да, – кивнул он, – не хочу, чтобы из-за печати терялось качество фотографии. Это ведь одна из составляющих хорошей работы. Да ты же сама фотограф.

– Ну, я только начинающий. Мне еще многому нужно учиться.

– У тебя есть замечательные снимки, – с воодушевлением сказал Александр. – Серия «Казино», например… А портрет старика… В нем чувствуется такая глубина. Никогда бы не подумал, что автор этой работы – такая молодая красивая девушка.

– Ты меня перехвалишь, – смутилась я и закурила новую сигарету, – лучше расскажи о себе. Ты давно занимаешься фотографией?

– Пользоваться аппаратом научился в школе, а вот снимать по-настоящему начал лет восемь назад. Хочешь посмотреть мои работы?

– Это было бы здорово, – обрадовалась я. – А где?

– У меня, конечно. Можем поехать прямо сейчас. Хотя, – он задумчиво посмотрел на часы, – минут через двадцать. Мне нужно встретиться с одним человеком.

Предложение оказалось неожиданным. Ночной визит к малознакомому мужчине не был у меня запланирован. «Визит в бар у тебя тоже не был запланирован, – сказала я себе, – но ты в баре. Ладно, там видно будет. В конце концов, у тебя есть газовый пистолет, на всякий пожарный…»

Александр как будто и не ждал от меня ответа. Он был задумчивым, если не сказать отрешенным. Потом извинился, подошел к барной стойке, о чем-то спросил Пахома и направился к выходу. Тут же к нашему столику подсел Вован.

– Не помешаю? – вперил он в меня бесцветные глаза.

– Здесь занято, – с раздражением ответила я.

– Да ты не думай, – «успокоил» меня Вован, – я Сашку Шилкина сто лет знаю. Хочу кое-что у вас спросить, – он замялся, пытаясь, как мне показалось, подобрать подходящие слова.

– Может, в другой раз, – предложила я, надеясь таким образом избавиться от назойливого завсегдатая.

Но не тут-то было.

– Ты не девушка легкого поведения, – весело произнес он, пытаясь заглянуть мне в глаза. – Нет, вы не обижайтесь, этих я знаю. У них на лице ровным счетом ничего не написано.

Вот свалился на мою голову, физиогномист несчастный. Знаток. Как говаривал Остап Бендер, таких знатоков нужно убивать из рогатки.

Я не стала реагировать и, поднявшись, прошла к барной стойке.

– Еще кофе, пожалуйста.

Кроме невинной просьбы была у меня еще и надежда, что Вован за это время подыщет какой-нибудь другой объект для беседы. Но через считанные минуты он присоединился ко мне у стойки.

– Пахомыч, – довольно трезвым голосом сказал он, – сотвори-ка мне коктейльчик какой. Не слишком крепкий. Вы от меня не бегайте, – повернулся он ко мне, – я ведь действительно хочу знать…

– Послушайте, Вован, не знаю, как вас там по отчеству, – не выдержала я, – если будете ко мне приставать, я вас застрелю.

– Да, – усмехнулся он, – вы девушка с чувством юмора. Это сейчас большая редкость. Все эти ночные бабочки… У них на уме только как бы подхватить клиента с лопатником, распираемым от валюты…

Я не стала слушать его спич и с чашкой кофе пошла за свой столик. Вован направился за мной, но передумал. Причиной его поспешной ретировки было появление в конце зала Шилкина.

Фамилия Александра была мне знакома. Я только сейчас осознала, с кем сижу за одним столиком. Работы Шилкина выставлялись и в России, и за границей. Из статей, которые мне довелось прочесть о нем, я помнила немного. Он не давал интервью, жил уединенно в каком-то загородном доме, часто бывал в Париже, Праге и Хельсинки. В общем, он был знаменитостью.

– Скучаешь? – Александр сел за столик и залпом осушил остатки мартини.

В его глазах был какой-то таинственный блеск, впрочем, мне могло и показаться в свете новых сведений, всплывших в моей памяти.

– Нет, веселюсь, – пробормотала я, прикуривая сигарету. – Твой старый приятель развлекал меня во время твоего отсутствия.

– А, Вован, – усмехнулся Шилкин, – оригинальная личность. Мы с ним вместе в МАрхИ учились. Я, правда, до диплома не дотянул, ушел на вольные хлеба после третьего курса, а он закончил. Правда, по специальности тоже ни одного дня не работал.

– А чем он занимается? – поинтересовалась я, глядя, как у выхода маячит его невысокая фигура.

– Сейчас он мастер тату, – объяснил он, – у него здесь неподалеку кабинет. А раньше чем только ни занимался… Пожалуй, я еще выпью, – добавил Шилкин и направился к стойке.

– Слушай, Саша, – сказала я, когда он вернулся с новым бокалом мартини, – ты действительно уверен, что не хочешь заявить о том, что произошло сегодня?

– А что произошло? – спросил он. – Ну, что тебя сбила машина. Кажется, «шестерка». Может, нужно попробовать разыскать ее.

– Да я уже и думать об этом забыл, – улыбнулся Александр. – Просто был пьяный водитель, решил покуражиться. Хорошо, что я вовремя его заметил и успел подпрыгнуть, а то бы остался калекой.

– Вот видишь, – беспокоилась я по-настоящему, – а если он еще на кого-нибудь наедет?

– Он уже давно спит, если не въехал в какой-нибудь забор или стену дома. Нет, это нереально.

– Я не разглядела, какого она была цвета. Кажется, серого? – я вопросительно посмотрела на Шилкина.

– Не знаю, как-то не до того было.

Несколько минут мы сидели молча.

– Ну что, пошли, – предложил Александр и, не дожидаясь ответа, поднялся с кресла.

– Ты встретил своего знакомого?

– Он не придет, – уверенно произнес Шилкин.

Я надела на плечо «Никон» и сумочку и направилась к выходу. Охранник, уткнувшись в газету, одиноко сидел в холле. Шилкин помог мне одеться и стал надевать пальто, когда из коридорчика, ведущего к туалету, выбежала одна из девиц, которые подпирали стену.

– Ой, блин, убили, убили, – заголосила она истошным голосом, показывая в сторону туалетов, – Настюху убили.

– Ленка, – детина в камуфляжной форме оторвался от газеты, – кончай орать.

– Настю Белову убили, – сказала девица на полтона ниже и приложила ладонь ко рту.

– Хватит пургу нести, – недоверчиво сказал охранник, но на всякий случай схватился за дубинку, висевшую на поясе.

Наверное, любопытство родилось раньше меня. Оставив Шилкина у гардероба, я двинулась следом за охранником, на ходу снимая с плеча «Никон». Миновав туалет, мы очутились в небольшом закутке, где была лестница, ведущая наверх. На каменном полу лежала девушка лет двадцати, а может, моложе: толстый слой косметики не позволял определить точный возраст. Рядом с ней валялась маленькая коричневая сумочка и ярко-зеленое пальто.

Детина был в замешательстве. Я сделала несколько снимков и склонилась над девушкой. Взяла ее за запястье, пытаясь нащупать пульс. Ее короткое трикотажное платье сильно задралось, и я одернула его.

– Ну что уставился? – Я повернулась к детине. – Вызывай «Скорую» и милицию.

– Она и правда того?.. – боязливо поинтересовался охранник.

– Не знаю, – зло сказала я, – давай быстрее.

– Надо дяде Сереже сначала сказать, – пробормотал детина и поплелся к холлу.

«Какой еще дядя Сережа?» – подумала я и, достав из сумочки «моторолу», сама вызвала «Скорую» и милицию. Похоже, Настя была действительно мертва. Я заметила у нее багровые синяки, словно зловещее ожерелье обернуло шею. Кто-то задушил ее. Мне показалось, что на меня смотрят. Я резко обернулась и увидела Шилкина. Но смотрел он не на меня, а на распростертый на холодном полу труп. Выражение его глаз заставило меня съежиться.

– Ты меня напугал, – сказала я, выпрямляясь.

– Эх, Настя, – не замечая меня, произнес Шилкин.

– Ты ее знал? – Я сделала шаг по направлению к Александру.

Он словно очнулся и перевел взгляд на меня.

– Ты что-то сказала?

– Ты был с ней знаком? – повторила я свой вопрос.

– Да, – Шилкин кивнул и, резко развернувшись, пошел по коридору.

Глава 2

Я осталась у лестницы, но через несколько секунд рядом со мной очутился гардеробщик – молодой парень с черными усиками, прихрамывающий на левую ногу. Следом за ним подошел шатен лет сорока в коричневом костюме и черной майке. Его можно было принять одновременно за мента и уголовника. Он был высокого роста, плотный, с короткой стрижкой с бачками. Полноватое лицо с крупным носом и пухлыми губами было сердитым и возбужденным. Его можно было бы назвать красивым, если бы не холодный блеск ореховых глаз. Я вспомнила, что видела его в зале – он сидел через столик от нас с Шилкиным.

– Кто обнаружил труп? – громко спросил он. – Ты, Кирилл? – его взгляд остановился на хромом.

Гардеробщик молчал, тогда шатен посмотрел на меня.

– Ты, что ли? – грубо бросил он.

– Вы что, из милиции? – проигнорировала я его вопрос.

– Отвечай, когда тебя спрашивают. – Он шагнул навстречу и грозно посмотрел на меня.

– Мама не велела мне разговаривать с незнакомыми мужчинами, – съязвила я, хотя мне было страшновато. Что поделать, козерожье упрямство не давало мне покоя.

– Я старший следователь прокуратуры, майор Волков, – выдавил он.

– Очень хорошо, – улыбнулась я, достала из сумочки блокнот и записала его данные, – Ольга Юрьевна Бойкова, фотокорреспондент еженедельника «Свидетель». Только труп обнаружила не я.

– Кто обнаружил? – Он посмотрел на Кирилла, обескураженный моим заявлением.

– Дюкова Оксанка, – нехотя ответил Кирилл.

– Где она?

– Была в холле, – буркнул гардеробщик и направился к коридорчику, – вы же мимо нее прошли.

– Товарищ майор, – повернулась я к Волкову, – а вы здесь по работе или отдыхаете?

– Я всегда на работе, – сурово бросил он и крикнул вслед прихрамывающему гардеробщику: – Кирилл, давай сюда Дюкову и вызови милицию.

– Милицию я уже вызвала, – невозмутимо сказала я.

– Ольга Юрьевна, кажется, – майор с раздражением посмотрел на меня, – вам не пора домой, к маме?

– Ну что вы, товарищ майор, – сыронизировала я, – такой горячий материал.

Я вышла в холл и огляделась. Шилкина нигде не было видно. Охранник нервно прохаживался возле дверей, Дюкова, размазывая тушь по щекам, шла к майору, красавчик Дени исчез, когда мы с Шилкиным вышли в холл.

– Извините, – обратилась я к гардеробщику, занявшему свое место, – вы не видели, где мужчина, который был со мной?

– Александр, что ли? – сочувственно посмотрел на меня Кирилл и пожал плечами, – ушел, наверное.

В это время открылась входная дверь, и в холле появился человек с тупым выражением на лице. На нем была короткая дубленка нараспашку, надетая на спортивный костюм. Круглая, как шар, голова с ежиком жестких седых волос, бульдожья шея, утопающая в складках, лоснящихся от жира.

– Где? – только и спросил он у детины, сразу бросившегося к нему.

– Там, дядя Сережа, – детина показал в сторону коридорчика.

Я поняла, что это кто-то из начальства, скорее всего владелец этого ночного заведения. Пристроившись за ним, я снова очутилась в закутке рядом с лестницей.

– Когда она пришла? – майор вперил тяжелый взгляд в Дюкову.

– Не помню, – та еще растирала слезы, – минут сорок назад.

– Она что, не работала сегодня? – продолжал майор.

– Не знаю, я сегодня ее не видела.

– Где Денис, черт возьми?

Наверное, он спрашивал про красавчика Дени. Дюкова едва сдерживала рыдания.

– Не знаю, он ушел, мне ничего не сказал.

– Привет. – Дядя Сережа хмуро кивнул Волкову, пристально смотревшему на него. – Что, опять?

– Иди пока, – разрешил Волков Дюковой, – только далеко не уходи. Это уже вторая, Сергей, – показал на лежащую на полу девицу Волков, – придется, наверное, на время прикрыть твое заведение.

– Ладно, кончай, Николай Васильевич, – ты же знаешь, что это не только у меня, вон и в «Коньке-Горбунке», и в «Руси» было такое… Что, нас всех теперь закрыть?

– Но две подряд только у тебя, – возразил майор.

– Погоди, не торопись, – зашептал дядя Сережа, – договоримся как надо. За мной не заржавеет, ты меня знаешь.

Я стояла за спиной дяди Сережи, и ни он, ни Волков меня не замечали. Но, когда дядя Сережа шагнул к майору, мое место укрытия было обнаружено.

– Вы еще здесь, Ольга Юрьевна? – еле сдерживая ярость, спросил Волков.

Я не успела ему ничего ответить, потому что в это время в коридорчике раздался топот тяжелой обуви и у лестницы в сопровождении охранника появились несколько человек в милицейских бушлатах.

Молодой офицер, старший по званию среди прибывших, обратился к Волкову:

– Капитан Ерофеев. Что у вас здесь?

Волков представился.

– Похоже, ее задушили.

Рассудив, что мне здесь делать больше нечего, я, стараясь не привлекать внимания, покинула закуток, где стало слишком тесно. Выйдя в холл, я села на диванчик и закурила. Где же Шилкин? Почему он так внезапно исчез? Если уехал домой, то почему ничего не сказал мне? Со стороны коридорчика появилась Дюкова. Она привела в порядок лицо и наложила свежий макияж. Подойдя к диванчику, она плюхнулась рядом со мной и, закинув ногу на ногу, достала сигарету.

– Огоньку не найдется? – как ни в чем не бывало спросила она, держа руку с сигаретой на отлете.

Я молча протянула ей зажигалку. Ей было не больше двадцати, но боевая раскраска прибавляла ей лет пять-шесть.

– Видела тебя с Шуриком, – сказала она, прикурив. – Ты давно с ним?

– Только сегодня познакомилась, – растерянно ответила я.

– Похоже на него, – ухмыльнулась Оксана, манерно выпуская в потолок струю дыма. – Он уже показывал тебе свои работы?

– Ты его знаешь? – спросила я в ответ.

– Мы его все знаем, – загадочно произнесла она.

– Знаешь, где он живет? Мне нужно его увидеть.

– Что, слинял? – Она развернулась в мою сторону. – Могу показать, только не сейчас, мне еще показания давать.

– Настя была твоей подругой? – поинтересовалась я.

– Можно и так сказать, – кивнула Оксана, – подруга по несчастью.

– То есть? – Я с недоумением посмотрела на свою собеседницу.

– Ты что же думаешь, дежурить тут по ночам и рисковать жизнью – милое занятие? – с вызовом спросила она.

– Я вообще ничего не думаю. Чтобы человек задумался о судьбе другого, он должен хотя бы на краткое мгновение представить себя на месте этого человека…

– Вот и я про то же, – с фамильярной небрежностью произнесла Оксана.

– Но мне очень, очень трудно представить себя…

– Проституткой? – резко спросила она.

– Да. – Я отвела глаза в сторону, – конечно, я могу вообразить, с каким риском и…

– Все вы, благочинные да благопристойные барышни, привыкли изъясняться намеками. Да не бойся, я уже разучилась обижаться на таких, как ты, моральных дамочек, – с горькой иронией произнесла Оксана, продолжая пускать дым в потолок, – с меня довольно сутенеров да ментов.

– Денис – твой сутенер? – решила я пополнить запас знаний подробностями из жизни местных ночных бабочек.

– Да, он классный парень, – оживилась Оксана. – Я ведь раньше по вызову работала, приходилось с разными сутиками общаться. Ну и мерзкий народец, скажу я тебе. А Дениса можно героем назвать. Он не дает в обиду своих девочек. Конечно, и наказать может, в морду плюнуть, пощечину дать или ногой пнуть, но другим в обиду не даст.

– У него, наверное, «крыша» неслабая, – предположила я.

– Это нас не касается. Главное, что он пока для нас господин. С голоду пропасть не даст. Тоже, конечно, с загонами… Но вот Настька трепак подцепила, так он ее деньгами поддерживал, на лекарства, на жрачку давал. Лишь бы поднять девку, – с горячностью, на драматическом подъеме вещала Оксана.

«Поднять, чтобы та снова могла на него работать», – мысленно прокомментировала я великодушное поведение сутенера.

– А с Шилкиным ты как познакомилась? – «наивно» спросила я.

Оксана улыбнулась, а потом заливисто рассмеялась. Но вовремя осеклась. Обстановка не располагала к подобным проявлениям чувств. Она одарила меня долгим недоверчивым взглядом, в котором были и любопытство, и немой вопрос. В общем, посмотрела на меня, как на глупую девчонку, которая все еще пребывает в счастливой и безмятежной уверенности, что детей приносит аист.

– А ты че, не понимаешь? – Ее глаза излучали лукавство.

– Он пользовался твоими услугами?

– Наконец-то! – еле подавила смешок Оксана, – но не только, – с гордым и таинственным видом произнесла она, – девочки, в том числе и я, работали у него в качестве фотомоделей.

– Не понимаю, – искренне удивилась я.

– Ну, он нас снимал, – с застенчивой улыбкой сказала Оксана.

Эта улыбка скрадывала так уродовавший ее лицо макияж.

– Сначала снимал, а потом… Он один из лучших клиентов, – ее детская непосредственность подкупала и смешила.

– И что же он делал с этими фото?

– Увеличивал, говорил, что хочет собрать их всех в один альбом.

– Смелый и благородный шаг.

– Он хочет, чтобы в нас видели не проституток, а людей, – неуклюже выразилась Оксана.

– Фотомоделей, – уточнила я, – без ссылок на профессию.

– Угу, – с некоторой обидой на мое уточнение сказала Оксана.

А может, это бессознательное отвращение к древнейшей профессии говорит во мне, мое ханжеское воспитание? Шилкин, наверное, посмеялся бы надо мной. А при чем тут Александр? Он что, гуру? Откуда все-таки чувство, нет, какая-то инстинктивная уверенность в том,

что этот человек, неординарный в своих проявлениях, становится для меня воплощением того подлинного и непоколебимого, к чему я всегда стремилась? Не сотвори себе кумира, Бойкова, – пригрозила я себе и снова обратилась к собеседнице:

– Интересный тип, так ты обещаешь помочь мне его найти?

– Если хочешь, запиши мой адрес и телефон. Мичурина пятнадцать, квартира три. Я живу там с подругой. Ее зовут Рита. Если она возьмет трубку, спросишь меня.

Я достала записную книжку и ручку. Оксана продиктовала телефон.

– Огромное тебе спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Чего уж там, – великодушно махнула рукой Оксана, – чао.

Я вышла из бара в полной сумятице чувств. Неприятный осадок, оставшийся в моей душе от криминального происшествия, нейтрализовали наполненные житейской философией мысли.

В мире, где все скрупулезно высчитывается и просчитывается, невероятно ценна искра настоящей человеческой теплоты, той, о которой мечтал Сент-Экзюпери. Не важно, от кого она исходит и кому адресуется. Проститутки, маргиналы, тети с авоськами… О чем это я? Как только ты пытаешься подобрать слова для какого-то откровения, они испаряются, вместо легкой пыльцы тысячи восторгов и признаний остается рыхлый песок противно хрустящих на зубах затасканных слов.

Я нажала на педаль акселератора и рванулась осваивать унылые просторы ночного города. Мой путь лежал домой.

* * *

На сегодняшний вечер это было не все. В подъезде меня ждал маленький полуторамесячный котенок. Пушистый полосатый комочек. Он не пищал, просто сидел около лифта и умно так смотрел на меня. Ну не оставлять же его в холодном подъезде!

– Ну-ка, – шутливо скомандовала я, беря его в руки, – полезай за пазуху. Усатое чудо сразу оценило уютное тепло моей шубы и благодарно замурлыкало. Такая благодарность растрогала и рассмешила меня. Скиталец был принят на ПМЖ в мой дом.

«Будет постоянный собеседник», – подумала я, вставляя ключ в замочную скважину.

Дома я определила половую принадлежность своей находки. Это была кошечка. Жаря картошку, я размышляла над тем, как назвать мою новую подружку. И наконец выбрала ей благозвучное итало-французское имя: Матильда. Я читала о кошках и знала, что существует некий дикий кот манул, который водится в камышовых зарослях. Расцветка котенка напомнила мне о нем. Поэтому тут же было придумано и отчество: Матильда Мануловна.

Матильда, сокращенно Матя, уминала творог. Поужинав, я завалилась в постель. Мануловна свернулась клубочком на моей груди и завела свой томный шансон. Мур-мур, мур-мур…

Глава 3

Завтрак мой являлся промышленно-экономическим «бестселлером» девяностых: стакан куриного бульона «Галина Бланка» и йогурт «Даниссимо». «Галина Бланка» всегда выручала меня в безвыходных ситуациях, когда полки холодильника щерились металлически холодной пустотой. Мне достаточно было вспомнить, что в буфете мирно дремлет моя «курочка», моя испанская «цыпонька», чтобы почувствовать облегчение и понять, что голодной я не останусь.

Покормив Матильду, я быстро оделась и, прихватив сумку и фотоаппарат, выбежала из квартиры. Шубу я оставила скучать на вешалке в прихожей. На мне был светлый каракулевый пиджачок, серые брюки и удобные изящные ботинки.

Я на все сто была уверена, что мой заместитель Кряжимский Сергей Иванович уже в редакции. Войдя в приемную, я бодро поздоровалась с Мариной, нашей чудо-секретаршей, и, раздевшись в своем кабинете, отправилась к Кряжимскому. Я нашла его попивающим утренний кофе у себя за столом. Перед ним, как обычно, синел экран монитора, информацию с которого он бегло считывал.

– А, Оленька, – галантно поднялся он из-за стола, ибо не был брюзжащим типом средних лет, без конца вспоминающим свою героическую молодость и бранящим все молодое и задорное. Сергей Иванович являл собой образец мудрого жизнерадостного интеллигента, правда, немного помешанного на морально-нравственной тематике и потому иногда казавшегося занудным ретроградом, – номер практически готов.

– Очень рада. – Я приземлилась в кресло.

– Что-то ты сегодня возбужденная… – Он лукаво посмотрел на меня из-за стекол очков в металлической оправе.

– Ничего-то от вас не скроешь, – шутливо покачала я головой, – у меня к вам, Сергей Иванович, просьба имеется.

– Какая-такая просьба? – подхватил мой шутливый тон Кряжимский.

– Мне нужно навести справки об одном человеке…

У Кряжимского были обширные связи и знакомства в самых разных кругах. Я не раз обращалась к нему с просьбой раздобыть информацию о том или ином интересующем меня субъекте. На этот раз я назвала ему имя моего вчерашнего знакомого.

– Шилкин? – переспросил Кряжимский. – Это фотохудожник?

– Ага, – кивнула я, заливая содержимое пакетика «три в одном» кипятком из чайника.

– Загадочная личность, – произнес Сергей Иванович, – или стремящаяся быть таковой, как Пелевин среди литераторов.

– Интересное сравнение, – сказала я, помешивая ложечкой в чашке. – Пелевина довольно занятно читать, иногда даже бывает смешно, но через день уже не помнишь ничего, кроме названия книги. Вы имеете в виду, что Шилкин – это мыльный пузырь?

– Я имел в виду не его работы, – возразил Кряжимский, – а то, как он держится, пытаясь создать вокруг своей личности этакий ореол таинственности.

– А его работы вы видели?

– Он у нас почти не выставляется, только в Москве и за границей, но я слышал, что у него вышло несколько фотоальбомов.

– Не видели, значит, – сделала я вывод.

– Не видел, – сознался Кряжимский, – но посмотрел бы, хотя бы из любопытства. А что конкретно ты хочешь о нем узнать? И откуда вдруг такой интерес?

– Я вчера возвращалась домой, уже за полночь было, – принялась я пересказывать свое приключение, – свернула на Цветочную улицу и увидела, как машина сбила человека. Сбила и умчалась. Я, как добрый самаритянин, остановилась – думаю, может, помощь нужна. На его

счастье, а это, как вы, наверное, уже догадались, был тот самый Шилкин, он успел среагировать на машину и отделался легким ушибом.

– И ты с ним познакомилась? – перебил меня прозорливый Кряжимский.

– Познакомилась, но фамилию его узнала уже после, в баре, куда мы заехали промочить горло.

– Я всегда говорил, – начал занудничать Кряжимский, – что ты сама ищешь приключений на свою…

– …задницу, – закончила я за него, видя, что он замялся. – Но я ничего не искала, просто заехала выпить кофе.

– С первым встречным, которого подобрала в буквальном смысле на дороге. Наверняка вы были в какой-нибудь забегаловке.

– Нет, – соврала я, – это вполне приличный бар в центре города.

– Приличные бары в такое время суток не работают, – продолжал журить меня Кряжимский.

– Сергей Иванович, – я подняла руки, – сдаюсь. Вы как всегда правы, но если вы будете продолжать в том же духе, я не расскажу вам про убийство.

– Господи, – Кряжимский всплеснул руками, – этого ты, конечно, не могла пропустить. Что еще за убийство? Будем ставить в номер? На небольшую заметочку можно найти место, выкинем статью о безработных, например.

– Не трогайте безработных, Сергей Иванович, – я достала сигарету, – им и так не сладко. Убили проститутку, в коридоре под лестницей. Молодая совсем девчонка, – с горечью произнесла я.

– Где это произошло?

– В баре, где мы пили кофе – в «Гриве».

– Говорил же я – забегаловка, – довольный своей так быстро подтвердившейся догадкой, воскликнул Кряжимский. – Ладно, что дальше?

Он потер подбородок.

– Я познакомилась с подругой убитой. Составила представление о хозяине заведения, познакомилась со старшим следователем прокуратуры, чудом оказавшимся там же. Какая же это, посудите, забегаловка, когда там такие милицейские чины сидят? – Я с добродушной усмешкой посмотрела на внимавшего мне зама.

– А Шилкин?

– Исчез. Вернее, ушел по-английски.

– Это в его духе, – понимающе улыбнулся Сергей Иванович.

– Вы говорите так, словно лично с ним знакомы, – с насмешкой сказала я.

– Не знаком, но, исходя из информации, которой располагаю, нетрудно предположить, что это именно его способ оставлять все как есть, – витиевато выразился Кряжимский.

– Так что вы еще можете добавить к тому, что он – фотохудожник с подмоченным реноме?

Теперь уже я стала проявлять признаки нетерпения.

– Мне нужно время, только я не пойму, зачем этот Шилкин тебе понадобился?

Он пристально посмотрел на меня и тут же растекся в слащавой улыбочке, полной прозрачного намека.

– Личное?

– А если даже и так? – с вызовом сказала я.

– Через пару часиков, – дружелюбно произнес Кряжимский, – я думаю, буду располагать чем-нибудь новеньким.

– Звучит оптимистично, а я пока предприму кое-что сама.

– Так ты говоришь, его чуть не сбила машина? – глаза Кряжимского засверкали.

Вот он, инстинкт журналиста. Жажда новизны и сенсаций сидит в крови каждого, кто связан с нашей работой.

– Представляете, – решила я его раззадорить, – статью с заголовком: «Кто хочет смерти Александра Шилкина?»

– А ты уверена, что это было покушение, может, тебе показалось? – засомневался Кряжимский.

– Нет, не показалось. Жаль, что сам Шилкин не верит в покушение. Или он что-то скрывает, или слишком смелый, или…

– Кому-то не угодил, и ты хочешь это выяснить?

– Поживем – увидим, – отделалась я от дальнейших расспросов этой банальной поговоркой.

Я встала с кресла и направилась к двери.

– А кофе? – показал Кряжимский глазами на недопитую мной чашку.

– Рассчитываю попить в другом месте, – загадочно произнесла я, давая лишний повод Кряжимскому заподозрить во всей этой истории с Шилкиным мой личный интерес.

Сев за рабочий стол, первое, что я сделала – набрала домашний номер Оксаны. Мне ответил недовольный заспанный голос, принадлежавший, очевидно, той самой Рите, о которой она мне говорила.

– Кто ее спрашивает? Она спит. А, подождите, идет.

– Привет, – поздоровалась я с Оксаной, – как дела?

– Как сажа бела, – услышала я в ответ, – сама понимаешь, после общения с ментами радости не прибавляется.

– Как насчет жилища Шилкина? У тебя, как я понимаю, сейчас досуг? – коряво от волнения выразилась я.

– Все в силе, – услышала я флегматичный голос Оксаны, – только как добираться будем?

– С этим нет проблем.

– У тебя тачка? – в голосе Оксаны послышалась уважительная нота.

– Говори, когда будешь готова. Я за тобой заеду, – вместо ответа сказала я.

– Через час.

– О'кей.

* * *

Заехав по дороге в магазин, где продавалось все для наших братьев меньших, начиная с корма и кончая цивилизованным собачьим и кошачьим туалетом, я купила то, что сочла необходимым для Матильды. Продавец с доброй, как у Дроздова, улыбкой объяснил мне, что сухой корм котенку лучше размачивать в молоке. Я поблагодарила, взяла покупки и села за руль. Минут через десять я уже сигналила у ветхого деревянного строения с покосившимися ступенями и кривыми оконными рамами. Несмотря на шаткость и затрапезный вид, домик хранил какое-то неуловимое очарование. Очарование старины, как определила я для себя.

После первого же сигнала клаксона дверь отворилась, и одетая в нутриевую шубу Оксана вышла на крыльцо. Она приветливо улыбнулась мне и поспешила к машине.

– Молодец, – похвалила я ее, – оперативно.

Ее лицо хранило следы вчерашнего переутомления: она не выспалась.

– Так, едем прямо, – устраиваясь в кресле, сказала она, – дальше – покажу.

Оксана откинулась на спинку и, достав пачку «LM», вопросительно посмотрела на меня.

– Вагон для курящих, не волнуйся, – кивнула я, трогаясь с места.

– Неплохая тачка, – похвалила она. – Сама заработала или предки подарили? А может…

– Нет, – прервала я ее, – всему, что я имею, я обязана только себе и «Никону».

– Это твой парень, что ли? – не поняла она.

– Да какой парень, – усмехнулась я, – «Никон» – это фотоаппарат.

– Ты че, тоже фотохудожник, – она уважительно посмотрела на меня, – как Александр?

– Вроде того, – кивнула я. – А вообще-то таких, как я, называют папарацци. Мне это больше нравится.

– Это которые Диану убили? – Оксана сделала презрительную гримасу.

– Никого они не убивали. В истории гибели Дианы еще много неясного.

– Здесь направо, – подсказала Оксана.

Я чуть не проскочила поворот.

– Может, ты мне скажешь дорогу, а то, не ровен час, врежемся куда-нибудь? – занервничала я.

– Не знаю, как называется это место, – эмоционально произнесла Оксана, – въедем на гору, там покажу, куда дальше.

В конце концов оказалось, что едем мы в направлении поселка «Новый», что на Соколовой горе. Мы выехали к КП ГИБДД, свернули направо, попетляли по серпантину загородной дороги и, обогнув деревянные одноэтажные домишки, попали в современный даже по западным меркам поселок.

Здесь не было ни деревянных домов, ни одноэтажек. Единственным недостатком поселка, как мне показалось, явилась большая плотность застройки: дома лепились один к другому. Я вспомнила, что закладывался поселок в самом начале перестройки, когда землю под строительство выделяли еще по старым нормам – четыре сотки на строение. Тем самым сводилось на нет стремление владельцев к обособленности.

Дюкова прервала мои размышления.

– Приехали, – сказала она.

Я огляделась. В десяти метрах от проезжей части начинался участок, а еще через такое же расстояние, за высоким ажурным забором, возвышалось краснокирпичное двухэтажное строение, напоминавшее узкими стрельчатыми окнами готический замок, но одновременно походившее своей тяжеловесностью и приземистостью на замок романский.

– Значит, здесь обитает знаменитый фотохудожник Александр Шилкин? – Я посмотрела на Дюкову.

– Здесь, – кивнула она. – Ну что, пошли?

– Куда?

– Разве ты не к Шилкину приехала? – удивилась она.

Я отрицательно покачала головой.

– Мне только хотелось узнать, где он живет.

Развернувшись, мы поехали в город. Дюкова казалась разочарованной. Она была настроена на приключение. Чтобы как-то развеять ее и отблагодарить, я предложила:

– Хочешь, пообедаем где-нибудь. Я угощаю.

Глаза Оксаны загорелись:

– Да я не против, тем более что еще и не завтракала. Только мне переодеться надо.

– Ты разве не одета? – удивилась я.

– Надо еще Ритку предупредить, чтобы не ждала меня, – пробормотала Оксана.

– Ладно, поехали переодеваться, – согласилась я.

Когда я затормозила у дома, где жила Дюкова, часы на приборном щитке показывали половину первого. Вся наша поездка в оба конца заняла немногим более тридцати минут. Не так уж далеко живет господин Шилкин.

– Пошли, посмотришь, как мы живем, – пригласила Оксана, выбираясь из машины. Я согласилась. Комната девушек была оклеена веселенькими обоями в цветочек. Полы поскрипывали под каждым нашим шагом, словно вздыхали.

Дюкова познакомила меня с Ритой и быстро шмыгнула в смежную комнату, оставив наедине со своей подружкой. Та села на продавленный диван, а мне предложила кресло, покрытое клетчатым пледом.

Я осмотрелась.

Потолки в комнате были низкими, но она казалась просторной и уютной. В углу на облезшей тумбочке стоял телевизор «Самсунг», на столе лежала стопка разноцветных журналов типа «Отдохни». Вскоре появилась Оксана. Вместо короткой юбочки на ней был темный брючный костюм и кремовая кофточка, на ногах – черные полусапожки на огромном каблуке.

– Заходила Галка, – Рита повернулась в ее сторону, – сказала, что Дени арестовали.

– Да ты че? – воскликнула Дюкова. – За что?

– Говорит, за убийство, – зевая сказала Рита.

– Какое убийство?

– Какое, какое, – Рита раздраженно покачала головой, – вчерашнее.

– Да ты че? Разве Дени может убить?

– Не знаю я, – огрызнулась Рита, – менты так говорят. Вроде бы вчера, когда Настька пришла в «Гриву», Дени ей что-то сказал, ну, мол, на работу надо ходить, и они поцапались. Вот менты и решили, что он ее сгоряча порешил.

– Блин, это Кирюша им наплел, точно. Он же Дени терпеть не может, злится, что у того деньги есть. Я же там тусовалась, когда Настька заявилась, слышала весь их базар. Дени ей говорит: ты че, подруга, работать-то собираешься? А Настька на взводе была, че-то ему ляпнула, вроде, отстань, не до тебя. Дени ей, конечно, высказал, что о ней думает. На повышенных тонах. Вот и все. Зачем ему ее убивать-то? Да это смешно просто.

– Дени сейчас, наверное, несмешно, – Рита поджала губы. – Ты, кстати, могла бы ментам объяснить, как дело было.

– Да ты че, подруга, – взвилась Оксана, – ни разу в ментовке не была? Они че, слушать тебя будут? Они же спрашивают то, что им нужно. А Кирюша на Бруска уже после настучал, Дени же не было в «Гриве», когда менты приехали.

– А Дени когда ушел? – вступила я в разговор, заинтересовавшись ситуацией, возникшей в момент гибели Насти.

– Сначала пришла Настя, – объясняла Оксана, – мы с Лелькой Уткиной в холле тусовались. Покурили, ля-ля тополя, потом она с Бруском начала разруливать, он куда-то выходил, может, выпить? И как раз в это время вернулся. – Она пожала плечами. – Потом Уткина умотала с клиентом, мы с Белкой на диванчик упали. Покурили еще, она подошла к Кирюше, о чем-то пошепталась с ним и снова рядом со мной села.

– Ну, – Рита покачала головой, – и что дальше?

Дюкова перевела дух и продолжила.

– Дальше Настя отправилась в туалет привести себя в порядок, а я в бар пошла – меня один фраер решил шампанским угостить. Вернулась – смотрю, только олигофрен с дубиной сидит да Кирюша в гардеробе. Дени нет, Белки тоже. Я подождала немного и пошла ее искать. Зашла в туалет – там никого, я на лестницу, а она там…

Оксана шмыгнула носом.

– Ты не торопишься? – посмотрела она на меня.

Я пожала плечами. Оксана было направилась к выходу, но Рита остановила ее.

– А потом, потом что?

Дюкова рассказала ей все, что я знала без них.

– Да, – добавила она в конце, – менты еще насчет Шилкина интересовались, когда пришел, когда ушел? Выходил ли в холл? Ну я сказала, что не помню, че я его подставлять, что ли, буду?

– Домой придешь? – спросила Рита, когда мы были уже в дверях.

– Не знаю, как карта ляжет, – бросила ей Дюкова.

* * *

Следующие полтора часа мы с Оксаной провели в «Репризе» – небольшом, но элитном кафе в самом центре города. Дюкова с удовольствием налегала на шампанское и разоткровенничалась со мной.

Убийство Насти было уже не первым убийством проституток в нашем городе. Я кое-что слышала об этом, но, подробностей не знала. Оказывается, около месяца назад в «Гриве» тоже задушили девушку. На том же самом месте – под лестницей. Лестница эта вела в контору администрации, но когда, начальство уходило, там обычно никого не было. Этим, видимо, пользовался преступник. Ни в тот, ни в этот раз у девушек ничего не пропало, если не считать сережек. Но у Насти, как сказала Оксана, они не были драгоценными.

За месяц до первого убийства в «Гриве», с промежутком в сутки, были убиты две девушки в ресторанах «Конек-Горбунок» и «Русь». У них тоже ничего из ценностей не пропало, да и понятно, что девушки «на работу» старались дорогих украшений не надевать, а денег брали в обрез – только на коктейли и сигареты.

Первую девушку, задушенную в «Гриве», Дюкова знала – она «работала» на Дениса Брускова, или Дени, или Бруска, как они его называли между собой. О других же только слышала от своих подружек.

После обеда довольная шампанским и вкусной едой Оксана пригласила меня заходить в гости в любое время дня и ночи. Я подбросила ее домой и, дождавшись, когда она войдет в дом, плавно тронулась с места, обдумывая, куда бы податься и чем заняться. Я еще не отъехала и пяти метров, как увидела тормозившую голубую «шестерку», из которой выскочил парень в куртке «пилот» и стал звонить в дверь Дюковой.

* * *

Выкурив сигарету, я решила проявить, так сказать, активность в этом деле. Сами посудите, в городе убивают проституток, а «Свидетель» даже словом не обмолвился о серии этих таинственных происшествий!

Но, если честно, судьба Шилкина волновала меня не меньше, чем доброе имя газеты, известной своей расторопностью и объективностью. Да, я симпатизировала Шилкину и меньше всего намерена была это скрывать от самой себя. Поэтому, докурив сигарету, я нажала на педаль акселератора, имея целью посетить уединенную резиденцию нового знакомого. Мне было о чем его спросить. Например, почему он так поспешно покинул место злополучных ночных событий? Я остановила машину на том же месте, что и в прошлый раз. Подошла к забору, надавила на кнопку звонка. Никакого домофона не было, что меня обрадовало и удивило.

Хозяина не было. Из-за забора соседнего дома поднималась тонкая струйка дыма. Едва превысив высоту кирпичного забора, она таяла в морозном воздухе. Я вернулась к машине и отправилась в редакцию.

Вечером я предприняла вылазку по кафе. На что я рассчитывала? Встретить Шилкина в одном из них? Может быть. Если днем я осмелилась признаться себе в симпатии к нему, то под вечер, разочарованная неудачей, дошла до полного отречения этого факта. Не нужен мне никакой Шилкин, – упрямо твердила я, – меня интересуют обстоятельства вчерашнего убийства, и я хочу докопаться до причин этого зверства, понять, так сказать, логику преступления.

Я злилась на себя. Да на что я надеюсь, на самом-то деле? Что такой супермен, такой известный даже за границей фотохудожник, мастер своего дела соблазнится мной? Вскружила

голову его похвала? Мол, работы мои интересны? И на этом шатком основании я планирую возвести карточный домик несложившихся отношений?

В «Гриве» я снова встретилась с Оксаной и ее «подругами», выпила кофе и выкурила несколько сигарет, а потом вернулась домой. Обстановка «Гривы» не располагала к длительному пребыванию. Бар выглядел каким-то унылым, несмотря на приличное количество посетителей.

Дома меня ждала Матильда. Она напрудила несколько маленьких лужиц. Справившись с ними, я приступила к готовке ужина.

Матильда трудилась над размоченным в молоке «Вискасом». Механически глотая омлет и йогурт, я включила телевизор. Передавали местные новости. В рубрике происшествий я услышала, что милиция задержала сутенера Брускова Дениса и намеревается задержать Шилкина Александра, потому что он якобы имеет определенное отношение к убийству, так как всех убитых девушек он снимал для своего только что вышедшего фотоальбома. Далее сообщалось, кто такой Шилкин и чем занимается в жизни. На несколько секунд мелькнула его фотография. На ней он был моложе. Документальное фото не давало представления о выгодных сторонах его неординарной физиономии. Официальная гримаса стирала индивидуальное. Взгляд был какой-то затравленно-враждебный, словно Шилкина без его на то воли поместили под яркий свет софитов.

Я выключила телевизор и пошла в спальню. «Лягу пораньше», – решила я.

Глава 4

Предупредив Кряжимского, что задержусь, я решила повторить вчерашний вояж к Шилкину. А что, если его уже задержали? Я почувствовала, как в груди сосет от страха за него. Но мне-то что? А то, – мысленно возмутилась я, – что он не виноват. Ясно как день. На кой черт ему убивать проституток? Он – человек спокойный, преуспевающий… Да мало ли кто мог убить этих проституток. Может, маньяк какой-нибудь, вообразивший себя народным мстителем за поруганное женское достоинство? Может, клиенты такие попались. Мало ли психопатов, извращенцев да просто неуравновешенных типов?

Я распахнула шкаф и принялась рыться в барахле. Достала черное, как испанская ночь, платье, ажурные чулки, норковое манто. Неплохо. Легкий макияж. Лицо свежее, отдохнувшее. Так, Матильде – мяса, мне – кофе, и по коням.

Я вылетела из квартиры, как пробка из бутылки шампанского. «Никон», конечно, был со мной. Природа и не думала меняться: снег, заиндевелые ветви, бледно-серое небо, морозный воздух. Подождав, пока прогреется двигатель, я выехала со двора и направилась на Соколовую гору.

Гоню, тороплюсь… Вдруг Шилкин уже в милиции? Так ты что, думаешь, у него связей нет, знакомств, что он позволит так легко себя сцапать? – пробовала успокоить я себя. Вид у него больно равнодушный, отрешенный. Такие субчики смотрят на происходящее как на некий спектакль, имеющий к ним слабое отношение. А когда попадают в какую-нибудь историю, недоумевают, как это произошло, а потом со свойственной им отчужденно-философической манерой плюют и на это. Непротивление злу насилием, как говаривал Лев Николаевич. Возвышенная обломовщина, в любой час готовый к смерти стоицизм… Что еще? Я остановилась у знакомого дома. Сердце сжалось. Ну-ка, брось сантименты!

Я нажала на кнопку звонка. Минуты через полторы дверь дома открылась – и на пороге появилась худощавая фигура Шилкина. На нем были джинсы и серый однотонный джемпер.

Ну, слава богу! Не ровен час, в объятия к нему бросишься! Не знаю почему, но он казался мне почти родным, хотя я и чувствовала некоторое раздражение из-за его позавчерашнего ухода по-английски.

Он с невозмутимым видом, как будто ждал меня, подошел к калитке и отпер ее.

– Привет, – дрожащим от волнения голосом произнесла я, – решила тебя проведать.

Я неловко улыбнулась. Он тоже улыбнулся, с мягкой снисходительностью. Мотнул головой.

– Ты и вчера ведь приезжала. – Он лукаво посмотрел на меня.

– Приезжала, – промямлила я, – откуда ты знаешь?

– Видел, – равнодушно произнес он, – из соседнего дома. Был приглашен на шашлык.

Кровь во мне закипела: вот как, видел и не соизволил выйти навстречу. Я, понимаешь ли, еду его спасать, утешать, переживаю из-за сюжета в «Вестях», а он шашлык жрет да посмеивается. Первым импульсом было развернуться и уйти. Молча так, гордо, сжав кулаки и поборов желание высказать ему все, что я о нем думаю. Но вовремя я вспомнила, с кем имею дело. Оригинал, маргинал, художник. А все художники, как известно, немного сдвинутые. К тому же меня распирало любопытство: как он живет и тому подобное. Не забыла я и про свою благородную миссию – спасти, так сказать, талант от несправедливой клеветы.

– Мило. – Я все-таки не смогла скрыть обиды и разочарования. Губы помимо моей воли вытянулись в язвительную усмешку.

– Хотел и тебя пригласить, но ты уже уехала.

Врешь, брат.

– Досадно. Вчера у меня со временем был напряг. А сегодня…

– И поэтому ты заходила в «Гриву»? – с недоверием спросил он.

– Тебе и это известно? – почувствовала я раздражение, – у тебя хорошие осведомители.

– Ксюша сказала. Мы с тобой разминулись буквально на несколько минут.

– Надо же! – Я надулась.

– Но все можно исправить… – с таинственным видом сказал Александр, – прошу.

Я уже говорила, что ничто ему так не шло, как широкая улыбка. Я переступила порог его владений со смешанным чувством: проигрыш или победа?

– Заходи, заходи, – торопливо сказал он, пропуская меня вперед.

Я очутилась в просторном, чудовищно просторном холле, свидетельствующем о пристрастии хозяина к пустому пространству. В глубине маячил камин. Паркетный пол был застелен ковром. Кое-где на грязно-белой поверхности стен висели огромные черно-белые фото в рамках и деревянные маски, воспроизводящие застывшие лица египетских фараонов.

– Пошли, – Александр, видя мое замешательство, неожиданно взял меня за руку и подвел к камину.

Камин, распростертая перед ним шкура белого медведя, пара диванов с причудливо скошенными спинками, тонконогий столик и несколько авангардных стульев наподобие деревянных гармошек с прорезями в виде египетских иероглифов напоминали оазис в мрачной пустыне холла.

Я адресовала Александру непонимающий взгляд. На его губах заиграла снисходительная усмешка.

– Садись. – Он подвел меня к одному из стульев, а сам подошел к стене и открыл саркофаг.

Да, да, не удивляйтесь, настоящий саркофаг. Я не обратила на него внимания сначала – так захватила меня космическая пустота холла.

– Что это? – удивилась я, показывая на саркофаг и чувствуя под ягодицами неприятную твердость деревянной поверхности стула.

– Из музея спер, – засмеялся Александр.

– Что?

Я понимала, что он шутит, но хотела получить вразумительный ответ.

– Холодильник в виде саркофага – мое изобретение. Изготавливали на заказ. Что будешь пить?

– Сок или кофе, – неуверенно сказала я.

– Может, «Рене Мартен»?

Неплохо живет фотохудожник.

– Хорошо, – поддалась я искушению.

Я расслабилась. Мой взгляд стал осваивать интерьер. Второй этаж наподобие террасы выступал над первым: их разделяли металлические перила. На фото, развешанных в холле, воспроизводились два равновеликих мотива – Древний Египет и средневековая готика. Я заметила, что у фараонов и царей были женские лица. Моделями явно служили наши современницы. На некоторых фото были запечатлены мумии и доподлинные саркофаги, а также произведения древнеегипетского искусства. Но преобладали, как я догадалась, собственные работы Шилкина, на которых обычные девушки усилиями его творческой фантазии превращались в царственных правителей и правительниц Египта. Меня заинтересовали не лица и фигуры этих девушек, стилизованные под Древний Египет, а большое цветное фото готического собора.

Александр достал из бара-саркофага пузатую бутылку «Мартена», принес из столовой, помещавшейся за перегородкой в правом от камина углу, две объемные рюмки, нарезанный лимон, пористый шоколад, фрукты на керамической тарелке и, расставив все это на столике, принялся разливать коньяк.

– А это что? – Я указала на фото, где роскошной черной короной посреди розовых крыш неведомого городка, с дальней перспективой синей горы возвышался поразивший мое воображение собор.

– Собор Вольвик в Оверни, – на секунду замер и улыбнулся Александр.

– Ты сам фотографировал?

– Я не раз бывал во Франции.

– В Париже? – наивно спросила я.

– Париж – это далеко не вся Франция, – добродушно усмехнулся он и прошел в столовую.

Оттуда Шилкин принес стул диковиннее того, на котором я сидела. Мне вначале даже стало как-то не по себе. Он навеял мне воспоминания об эпохе инквизиции. А может, это отдаленная пародия на электрический стул? Две ассоциации слились в кольцо гнетуще-странного впечатления. На стыке этих смыслов и зависло мое вибрирующее, как электрический провод, воображение. Каркас чудовища щерился выступающими рейками квадратного сечения. Плоская спинка и сиденье не располагали к вальяжной позе.

– Тебе не страшно на нем сидеть? – вымученно улыбнулась я.

– Страшно? – приподнял брови Александр, – скорее не очень удобно.

– Зачем же ты приобрел этот стул? – с недоумением посмотрела я на него.

– Это мой любимый стул, – невозмутимо отозвался Александр, – для творцов нет ничего важнее и ценнее эстетики, – гордо изрек он, но тут же рассмеялся нарочитой серьезности собственного тона.

– Любимый? – Я заерзала на жестком деревянном сиденье.

– Неудобство – мой жизненный и эстетический принцип, – Александр грел в руке рюмку, – в наш век, век приспособленчества и погони за моральным и материальным комфортом, я выбираю диаметрально противоположное тому, что занимает спекшиеся мозги посредственностей. И потом, представь себе, как сидят перед камином: развалясь, едва внимая собеседнику, нехотя посасывая коктейль. Такие стулья, – он указал глазами на свой и мой, – не дадут расслабиться, они призывают к дисциплине и вниманию.

«Довольно слабая концепция при всей ее оригинальности», – мысленно прокомментировала я тираду Александра.

Эклектика, которая показалась мне основополагающим принципом оформления причудливого интерьера, умело организованный хаос эпох и жанров наконец обрели в моем сознании верное толкование. И Египет, и готика, и медвежья шкура – все это было вариациями на тему ледяного порядка, застывшей строгости, выверенности поз и пропорций, благородной сдержанности, касалась ли она эмоций или творческой фантазии строителей соборов. Шкура белого медведя придавала обстановке не меховое тепло и уют, а скорее навевала антарктический холод, усиливавшийся подбором декора и предметов, отсылавших воображение к Египту и Средневековью. Прибавьте к этому софиты – и вы получите впечатление общего морального и физического неуюта.

– За что будем пить? – пристально посмотрел на меня Александр. – Ты какая-то задумчивая сегодня.

– Ты говоришь так, словно знаешь меня со школьной скамьи, – с иронией ответила я, – давай выпьем за то, чтобы неприятности прошли стороной, твои неприятности.

Мне почему-то захотелось вывести из себя этого улыбчивого и неуязвимого с виду «фараона».

– Ты говоришь о позавчерашнем убийстве? – не мигая, смотрел на меня Александр.

– Мне бы не хотелось, чтобы… – Я запнулась.

– Чтобы я последовал за Дени?

– Да, – нетвердо произнесла я. Волнение не давало мне говорить непринужденно.

– Ладно, давай выпьем.

Мы сделали по два глотка.

– Все-таки, согласись, странно посреди Тарасова встретить уголок Древнего Египта… не просто музей, а…

– Понимаю, что ты хочешь сказать. Видишь ли, непросто наблюдать все это не в музеях, а жить с этим. Конечно, у меня нет настоящей мумии, нет золотого трона, – засмеялся он, – но у меня есть воображение, восприимчивость… Я могу проникнуться этим… Ты знаешь, – глаза Александра запылали, – мне по ночам иногда представляется, что я мумия фараона, плывущая в саркофаге по волнам вечности. В прошлый раз ты сравнила жизнь с морем…

– Не очень оригинальное сравнение, – скромно сказала я.

– Дело не в его оригинальности, а в его верности, – увлекся темой Александр, – жизнь – море… Но смерть – океан!

Он был возбужден разговором.

– В Древнем Египте знали это! – воскликнул он, но, устыдившись своей восторженной одержимости, смущенно рассмеялся, – прости. Я, наверное, кажусь тебе чудаком. У меня ведь ни машины, ни телефона нет. Женщинам кажется это странным.

Александр пожал плечами.

– Понимаю, – пробормотала я.

– Что такое весь этот пластиковый комфорт перед искусством?! Прав был Шопенгауэр, когда сказал, что единственное, что может возвысить человека над проявлениями вечноалчущей воли и даровать ему безмятежную вечность созерцания, – это искусство! Были, конечно, и такие разочарованно-депрессивные типы в литературе, как Камю, считавшие искусство проявлением все того же неизбывного абсурда. Только я так не думаю, искусство выше жизни, жизнь смотрится в него как в зеркало. Иначе она утратит ясность и самосознание.

– Мне все-таки кажется, – осмелилась я возразить, – что жизнь богаче любого искусства. И дело творца учиться у нее…

– Дело творца – творить новую реальность! – торжественно, с лихорадочным блеском в глазах провозгласил Александр. Пойдем. – Он вскочил со своего «пыточного» стула и устремился ко мне.

– Куда? – испугалась я.

Я была ошарашена его эмоциональным подъемом. Спокойный и бесстрастный, он вдруг выказал такую неистовую увлеченность предметом.

– На второй этаж. Я покажу тебе мои работы.

По винтовой лестнице, находящейся сбоку от камина, мы поднялись наверх. Почти в самом центре такой же просторной комнаты раскинулась огромная кровать с закругленными металлическими спинками, покрытая шелковым бежево-абрикосовым покрывалом. Над кроватью и рядом с ней висели и стояли разного размера софиты. Этакий сексодром, совмещенный со студией. Александр смотрел на меня, наслаждаясь произведенным на меня эффектом. Я сделала вид, что кровать мало интересует, и прошла дальше, где за аркой был вход в следующее помещение.

Там было что-то вроде рабочего кабинета. Никакой вычурности или стремления удивить гостя, все направлено на организацию рабочего места. Первым делом бросались в глаза, конечно же, фотографии. Фотографии, фотографии и еще раз фотографии: ими были увешаны все стены. В основном это были снимки размером с печатный лист, воспроизводящие женщин, девушек, юношей и девочек. Снимки были аккуратно развешаны один под другим ровными рядами. В дальнем углу стоял узкий длинный стол светлого дерева, на котором разместился монитор компьютера, принтер и сканер, системный блок располагался под столом, чтобы не закрывать пространство с фотографиями. На двух открытых полках глубиной всего в несколько сантиметров были выставлены совсем небольшие снимки. Лицо на одной фотогра-

фии показалось мне знакомым, и я взяла ее с полки. Я не ошиблась: это был снимок Насти Беловой. Она лежала обнаженной на кровати-сексодроме и спала. Лицо ее было безмятежным.

– Жаль ее, – с грустью произнесла я, – найти бы этого урода, который лишил ее жизни.

– Все они рано или поздно плохо кончают, – Шилкин сочувственно покачал головой.

– Можно, я возьму ее себе?

– О чем разговор, пожалуйста, – быстро согласился Александр.

Я оставила фотографию у себя и перевела взгляд направо, где увидела огромное горизонтальное колесо вроде барабана из «Поля чудес». Внешняя часть этого барабана служила столом, а внутренняя, полая, была разделена на сектора, в которых тоже стояли фотографии. Внутренний барабан, как я поняла, мог вращаться, давая возможность стоя на одном месте достать снимки из любой ячейки.

– Сделано по моим чертежам, очень удобная штука, – сказал он, сделав глоток коньяка.

– Да, впечатляет, – без особого энтузиазма произнесла я, – а там что? – Я показала на дверь рядом с рабочим столом.

– Там моя лаборатория, ванна и туалет. Хочешь посмотреть?

– Там у тебя тоже стоят софиты?

Я думала немного подколоть его, но он ничуть не смутился.

– Да, и там тоже.

– Тогда пойдем смотреть.

Шилкин галантно отворил передо мной дверь, и мы вошли в широкий короткий коридор, который заканчивался узким стрельчатым окном.

– Ванная направо, – подсказал он.

Я открыла дверь, ожидая увидеть что-то вроде джакузи, но была разочарована: ванная комната представляла собой сплошь отделанное плиткой бежевых тонов большое помещение с высокими потолками, в углу которого сиротливо притулилась ванна обычных размеров. Она, правда, была фаянсовая, но суть от этого не менялась. Возле нее на никелированных штативах действительно возвышались два огромных черных софита. И никаких излишеств, только три вешалки в виде обычных плечиков для одежды на крючках. Мне стало скучно.

– Давай вернемся к камину. – Я поежилась, – что-то у тебя не жарко.

– Как скажешь, – Шилкин пожал плечами и, развернувшись, зашагал обратно.

* * *

Проведя у Шилкина в общей сложности почти два часа, я уехала из его эклектично-аскетичного дома со смешанным чувством восхищения и недоумения. Меня просто поразило качество снимков, сделанных Шилкиным. Все было выверено и рассчитано: и глубина резкости, и выдержка, и диафрагма, и, конечно, постановка кадра. Придраться не к чему. Совсем непонятно его стремление уединиться, жить без машины и телефона, хотя все это ему по средствам. Но на то он и художник! Художник, которого знают не только в России, но и во Франции, в Чехии, в Финляндии. Он сказал мне, что мечтает о том, чтобы его альбомы увидели свет и в других странах Европы.

Я смотрела на фотографию спящей на огромной кровати Насти, и мысль о том, что ее больше нет, не давала мне покоя. Кому она помешала? Кто мог хладнокровно задушить ее и еще трех девушек? Да, они занимались проституцией, этой древней, как мир, профессией, да, они нарушали общественную мораль, но это никому не дает права убивать. К тому же и Шилкин оказался под подозрением, а это, я отдавала себе отчет в собственных эмоциях, волновало меня ничуть не меньше, чем гибель четырех молоденьких девушек.

Решение было принято – я найду убийцу и тем самым сниму подозрения с Александра.

Глава 5

Я была уже недалеко от редакции, когда дала о себе знать «моторола». Прижавшись к обочине, я достала трубку.

– Алло, Оля, – Кряжимский был явно взволнован, – тебя здесь из прокуратуры дожидаются. Некий майор Волков Николай Васильевич. Я звоню из другой комнаты, так что если ты не хочешь с ним встречаться…

– Спасибо, Сергей Иванович, – успокоила я его, – пусть ждет, я сейчас подъеду.

Положив трубку, я тронулась с места. Интересно, что нужно этому Волкову? Я вспомнила его холодные глаза и поежилась.

Волков сидел у меня в кабинете и курил. Кряжимский, в глазах которого была тревога, растерянно барабанил двумя пальцами по клавиатуре компьютера и украдкой поглядывал на майора.

– Добрый день, – поздоровалась я и сняла шубу. – Вы ко мне?

– У меня есть к вам несколько вопросов, – угрюмо произнес майор и покосился на Кряжимского. – Если можно, наедине.

– Сидите, Сергей Иванович, – остановила я Кряжимского, который собрался выйти из кабинета. – Товарищ майор, – я перевела взгляд на Волкова, – я так понимаю, это неофициальный визит?

– Ну, почему же… – насупился он.

– Потому что если бы вы хотели говорить со мной официально, то прислали бы мне повестку. Ведь так?

Я села на диванчик, достала сигареты и закурила.

– Вижу, вы знакомы с законами, – протянул он. – Только не пойму, отчего такая антипатия к представителям следственных органов?

– Вы что-то расследуете? – проигнорировала я его вопрос.

– Убийство Анастасии Беловой, – исподлобья посмотрел на меня Волков.

– А при чем здесь я? – попыталась я изобразить искреннее удивление.

– Может, Сергей Иванович все-таки оставит нас? – Волков многозначительно посмотрел на Кряжимского.

Мудрый Кряжимский поймал мой взгляд, требующий поддержки, и остался.

– Я согласна ответить на ваши вопросы в присутствии Сергея Ивановича, – твердо заявила я. – Если же нет – вызывайте меня повесткой.

– Хорошо, пусть сидит, – согласился Волков.

– И беседа наша, как я понимаю, неофициальная.

– Да, – кивнул он.

– Тогда я вас слушаю.

– Скажите, Ольга Юрьевна, – майор бросил сигарету в пепельницу, – вы давно знаете Александра Шилкина?

– Какое это имеет отношение к убийству?

– Буду с вами откровенен, – майор доверительно склонился ко мне, – мы подозреваем его в этих убийствах. Вы, наверное, в курсе, что убийство проститутки в «Гриве» было не первым.

– В «Гриве» – вторым, – кивнула я, – еще были убийства в «Руси» и «Коньке-Горбунке». А что касается ваших подозрений, то об этом уже сообщали по телевизору.

– Да, – Волков покачал головой, – наш сотрудник сболтнул журналистам лишнее. Но он уже уволен. Так вы не ответили на мой вопрос, – добавил он.

– Вы на мой тоже. Какое отношение к убийствам имеет Александр Шилкин?

– Вот посмотрите, – Волков достал из портфеля, стоящего у его ног, большой, красочно оформленный фотоальбом, из которого торчали кусочки бумаги. – Все убитые девушки присутствуют у него в альбоме.

Я с интересом взяла альбом в руки и открыла его на первой закладке, потом на второй и на третьей. Фотографии были помечены зеленым маркером. Каждая девушка была снята в различных позах, с гримом и без, в одежде и обнаженной. На нескольких фотографиях они были изображены спящими. И хотя белье на кровати каждый раз было другое, я поняла, что это была та самая кровать, что стоит на втором этаже в доме Шилкина.

– Ну и что? – Я закрыла альбом и посмотрела на майора.

– Это не может быть совпадением.

– Это его работа – фотографировать, – возразила я. – Если следовать вашей логике, то нужно задержать и владельца «Гривы» – ведь это в его баре произошло целых два убийства.

– Владелец «Гривы» во время убийства был дома, – хмуро произнес Волков.

– Но в баре кроме Шилкина было еще две дюжины человек, вы их проверили? – с пылом сказала я. – Или вы решили взять первого попавшегося, потому что он хорошо всем известен и был во время убийства в баре? Вы, кстати, тоже были там, не забывайте об этом.

Лицо Волкова сначала позеленело, а потом стало пепельно-серым. Губы скривились в мучительной гримасе.

– У меня дочь, – совладав с чувствами, произнес он на удивление проникновенно, – такого же возраста, как эти погибшие девчонки. Так что я попрошу вас…

– Я только хотела сказать, – произнесла я извиняющимся тоном, – что нельзя обвинять человека только из-за того, что у него в альбоме оказались фотографии убитых.

– Давайте все-таки вернемся к моему вопросу, – уже спокойнее сказал Волков.

– Хорошо, – согласилась я. – Я познакомилась с Шилкиным незадолго до того, как мы пришли в бар.

– Как это произошло?

– Он шел по дороге, и его сбила машина, – с вызовом сказала я, – к счастью, он успел отпрыгнуть в сторону, иначе дело могло закончиться трагически. Я, можно сказать, подобрала его на дороге, чтобы оказать помощь.

– Вы видели, как это случилось?

– Видела.

– Почему он не сообщил о наезде в милицию? – с недоверием поинтересовался Волков.

– Не знаю. – Я пожала плечами, – по-моему, он не придал этому большого значения. Пьяный водитель…

– Вы тоже так думаете?

– Нет. Мне показалось, что его пытались убить.

– Что это была за машина?

– «Шестерка». Возможно, серая, но было довольно темно, и точно я сказать не могу.

Майор сделал пометки в блокноте, провел ладонью по коротким волосам ото лба к затылку и глубоко вздохнул.

– Могу я задать вам вопрос? – спросила я, когда он закончил писать.

– Конечно. – Он настороженно посмотрел на меня.

– Мне известно, что вы задержали сутенера, на которого работала Настя Белова. Кажется, его фамилия Брусков.

– Это так, – подтвердил Волков, – но сегодня утром мы его отпустили.

– Вы его тоже подозреваете?

– Подозреваем, – кивнул майор, – но доказательств у нас нет. Только это не для печати, прошу вас. – Хорошо, я понимаю.

– Тогда еще один вопрос вам. – Он снова глубоко вздохнул. – Шилкин выходил из бара незадолго до того, как вы собрались уходить?

Вот он, главный вопрос, из-за которого ты пришел сюда, майор, поняла я. Но ведь то, что он выходил, мог видеть охранник и гардеробщик. Значит, они не помнят, догадалась я. Этот дебил с дубинкой всю дорогу выискивал в газете знакомые буквы, а хромой гардеробщик мог на время отвлечься и не заметить Шилкина. Я также вспомнила, что Оксана сказала ментам, будто бы не помнит, выходил ли Шилкин в холл.

– Нет, – сказала я, – он никуда не выходил.

– Вы это точно помните? – Волков вперил в меня свои холодные орехового цвета глаза, словно собирался пробуравить меня насквозь.

– Совершенно точно, – беззаботно ответила я. – А вы ведь тоже были в зале…

– К сожалению, у меня не было возможности все время следить за ним, я там оказался случайно.

– Вы все еще собираетесь задержать Шилкина?

– Теперь, когда у него есть алиби, не думаю, что это необходимо, но задать ему несколько вопросов все же придется.

* * *

Когда за Волковым закрылась дверь, я вскочила и, надев шубу, направилась к выходу.

– Ты куда? – удивился Кряжимский.

– Я ненадолго, – бросила я, – минут через сорок вернусь.

Я села в машину и направилась к Шилкину. Нужно было предупредить его, чтобы не проговорился. Я гнала как сумасшедшая, рискуя каждую секунду на скользкой дороге собственной жизнью. Но я боялась, что Волков от меня направится прямо к Александру. Свернув на улицу с домом Шилкина, я проехала мимо голубой «шестерки», стоявшей на обочине метрах в пятидесяти от его калитки. Не та ли это «шестерка», которую я видела у дома Дюковой? Похожа, но номера в тот раз я не видела, поэтому уверенности у меня не было.

Остановившись у дома, я вышла из машины и позвонила. Никого. Может, опять его пригласили на шашлык? Достав блокнот и ручку, я написала: «Позвони мне, когда вернешься. Это очень важно. Оля». И ниже номер своего мобильного. Вырвала листок, сложила его вчетверо и сунула в щель между прутьями решетки поближе к замку. Должен увидеть. А если Волков приедет раньше него и прочтет? Ничего страшного, мало ли что может быть важным для меня.

На всякий случай надавила на кнопку звонка еще раз. Вот нашла заботу себе на голову! Надо мне было врать Волкову, что Шилкин не выходил из зала? Пожалела знаменитого художника! Нужна ему твоя жалость.

Я сидела в машине, курила и ругала себя последними словами. Какого черта ты лезешь не в свое дело? Безмозглая тупица, ведь не зря говорят: дорога в ад вымощена благими намерениями. Спасательница-спасительница. А если Волков найдет Шилкина раньше тебя и тот спокойно расскажет ему, что выходил в туалет. Что тогда? Успокаивало то, что беседа с Волковым была неофициальной, но будет неприятно смотреть в его холодные глаза, когда он спросит: «Значит, Шилкин не выходил из зала?»

Я щелчком выбросила окурок в окно и не спеша тронулась с места. Голубой «шестерки» на прежнем месте не было. Ну и черт с ней. Сдалась тебе эта «шестерка».

Через пятнадцать минут я уже подъезжала к редакции, но тут мне в голову пришла одна мыслишка, и я свернула к «Гриве». Был шанс, что я смогу застать Шилкина там.

Спустившись по лестнице, я вошла в знакомый холл и направилась к гардеробу. Там было пустынно, только охранник, как всегда, сидел, уткнувшись в газету – я бы не стала утверждать,

что он не держал ее вверх ногами, – и Кирилл скучал за стойкой. Увидев меня, он встал со стула и приготовился принять мою шубу.

– Привет, – улыбнулась я, – ты не видел Шилкина?

Его тонкие черные усики дрогнули.

– Вообще-то я не обязан за всеми следить, – хмыкнул он, – но так уж и быть, сегодня его здесь не было.

– Спасибо. – Я положила на стойку десятку, которая тут же исчезла в Кирилловом кармане.

Из «Гривы» я направилась в «Конек-Горбунок», а оттуда в «Русь». Шилкина нигде не было. Ладно, решила я, вернусь в «Гриву», заодно пообедаю, может, он там появится.

Снова длинная мрачная лестница – и вот я опять стою возле гардероба.

– Не приходил, – Кирилл покачал головой.

– Теперь я пришла пообедать, – улыбнулась я, снимая шубу.

В зал я сразу не пошла, а направилась по коридорчику к туалету, решив привести себя в порядок. Убедившись, что все в норме, я вышла из туалета и свернула в сторону лестницы, возле которой убили Настю Белову. Зачем она могла сюда пойти? – размышляла я, достав сигарету и держа ее в руке. Только если кто-то позвал ее или затащил. Но кто, кто? Да и вообще, кому было нужно убивать ее? Я достала зажигалку и закурила. Тут я услышала, как на площадке верхнего этажа хлопнула дверь и кто-то начал спускаться.

– Значит, мы договорились, Коля? – услышала я голос, показавшийся мне знакомым.

Шаги на мгновение стихли.

– Не волнуйся, работай пока, – прозвучал ответный голос, и человек продолжил движение вниз.

Второй голос я сразу узнала. С человеком, которому он принадлежал, я виделась не далее как два часа назад.

– Если что – заходи, – снова сказал первый, и я вспомнила, что это голос дяди Сережи – хозяина «Гривы».

Не слишком ли часто и запросто встречается старший следователь прокуратуры с хозяином довольно сомнительного заведения? Мне не хотелось снова встречаться с Волковым, тем более в таком месте, и я потихоньку, как мышка, юркнула в коридорчик и спряталась за дверью туалета.

Но не прошло и пяти минут, как я услышала шум приближающихся шагов и голоса, на этот раз мужской и женский. Голоса были молодые и… знакомые. Один принадлежал Брускову, другой – Дюковой.

– Давай, – небрежно сказал Денис.

– Вот, – с виноватой ноткой в голосе прошептала Дюкова, и в прохладном, как кафель, воздухе коридора зашелестели пересчитываемые купюры.

– Почему так мало? – недовольно спросил Денис.

Перенервничал парень.

– Сам же знаешь, клиентов мало было и вообще…

– Что вообще? – угрожающе сказал он.

– Не тот клиент пошел, – манерно вздохнула Оксана.

– Меньше базарить надо, – назидательно произнес сутенер, – че этой телке нужно?

– Ритка, что ли, уже донесла? – обиженно сказала Оксана. – В свое свободное время разговариваю с кем хочу.

В этот момент до меня долетела сумятица звуков, какое-то быстрое и, по всей видимости, агрессивное движение со стороны Дениса, потому что следом раздался приглушенный испуганный вскрик Дюковой.

– Больно же, отпусти, Дени, – всхлипнула она.

– Мне тоже больно, – как первоклассный актер тут же сменил интонацию Брусков, – когда меня предают.

Он говорил так, словно Дюкова была не дешевой рабочей силой, приносящей ему доход, а возлюбленной подругой. Обида, горечь и скрытая угроза звучали в его бархатном баритоне.

– Да кто тебя предает? – забеспокоилась Дюкова. – Ни о чем мы таком не говорили.

– О Белке трепались? – не унимался Денис. – Смотри, ты меня знаешь. Бизнес на первом месте. Чтоб больше ни слова этой сучке, а то навоз жрать заставлю!

Я вспомнила, как впервые увидела Дениса. С ленивой грацией холеного кота он развалился на диване. На его красивом лице застыло высокомерно-пресыщенное выражение. И все-таки его привлекательная наружность не вязалась с нынешними угрозами. Грубость напрочь перечеркивала его красоту.

Ну ты даешь, Бойкова! Ты что же, думаешь, что сутенеры – этакие нежные хрупкие юноши, и грубый цинизм им совсем не свойствен? Ты где, на луне?

Я была оскорблена до глубины души: какой-то негодный испорченный мальчишка, вообразивший себя чуть ли не самим Мальдорором, называет меня сучкой! Я, конечно, поняла, что речь шла обо мне.

– На, – более миролюбиво произнес Брусков, – возьми себе, – я услышала шелест свертываемой купюры, – и чтоб сегодня на высоте была!

– Легко тебе говорить, – с жалобной интонацией сказала Дюкова, – после всех этих…

– Да заткнись ты, – прикрикнул на нее Денис, – меня не е… что ты думаешь. И еще раз предупреждаю, если та сучка еще раз появится и станет приставать к тебе со своей лажей, гони ее к чертям собачьим, поняла?

– Поняла, – донесся до меня поникший голос Оксаны.

– Одного моего слова хватит, ты уж мне поверь, чтобы этой шилкинской телке навсегда рот заткнуть.

Ну уж это чересчур! Такого неуважения к себе я не могла стерпеть. Пусть меня упрекают в недостатке самообладания, воли, осмотрительности, здравого смысла, пусть считают наивной дурочкой, донкихотом в юбке, сражающимся с ветряными мельницами…

Я распахнула дверь, забыв побеспокоиться о том, чтобы не ударить стоявших прямо за ней.

– Кого это ты сучкой называешь?!

Мой свирепый вид и неожиданность появления породили неловкую паузу. Брусков и Дюкова растерянно пялились на меня. Мне показалось, что я стою на театральной сцене. Дают «Ревизора». Помните финальную сцену? Открытые от удивления рты, вытаращенные глаза, гнетущая немота ожидания…

Но все-таки здесь был не театр, и каждый играл на свой страх и риск, без согласования своей роли со сценарием и режиссером.

Денис довольно быстро взял себя в руки и весь пыл своей агрессии перенес на меня. Тем более что ему надо было держать марку перед смущенной и подавленной Оксаной – вот, мол, смотри, какой у вас шеф.

– Тебе бы в КГБ работать, – осклабился он, глядя на меня в упор.

– Все же лучше, чем под твоим руководством, – сдерживая негодование, прошипела я.

Это отнюдь не было камнем в огород покорно исполняющей волю своего заносчивого сутенера Оксаны, я не хотела обидеть ее, кесарю, как говорится, кесарево, а слесарю – слесарево.

– Иди, – резко кивнул Дюковой Денис.

Но она от неожиданности, казалось, потеряла не только дар речи, но и способность перемещаться в пространстве.

– Иди же, – злобно повторил и нетерпеливо мотнул головой Брусков.

Она испуганно посмотрела на него, потом на меня и, еле передвигая ноги, пошла прочь. Ну точно деревянная. Я проводила ее взглядом, в котором жалость мешалась с отвращением. Овца смиренная!

– Кому же это, интересно, ты намерен на меня пожаловаться? – с гордым вызовом спросила я.

– Ты не очень-то нос задирай! – приблизил ко мне свое красивое, дышащее презрительной яростью лицо Брусков.

Я заметила, что правое веко и верхняя губа у него слегка дергаются. Волнуется. Измотывающую работенку себе он выбрал. Ему бы на подиумах костюмы от Армани да белье от Кляйна демонстрировать, а он по барам сомнительным ошивается, сутенерничает…

– Кому надо. Вот только когда пожалуюсь, обидно, тебе даже узнать не удастся, кто с тебя шкуру живьем сдерет, – с ехидной гримасой пародийно просюсюкал Брусков.

– А еще что-нибудь, кроме того, что угрожать и бедных девочек обирать, ты умеешь? – с высокомерным презрением сказала я.

– Умею, – загоготал Денис, – вот щас прямо тут трахну в жопу тебя.

Он тряхнул и крутанул меня так, что я, словно бальная партнерша в танго, сделала по крайней мере два оборота вокруг своей оси и уткнулась в холодную стену. Денис тяжело и возбужденно задышал мне в затылок. Но это не было дыхание обуреваемого жаждой секса самца. Это было жаркое и хриплое клокотание ненависти и злобы. Он завел мою правую руку за спину и встал вплотную ко мне.

– Ну как, нравится? – язвительно спросил он, – это только начало. Хочешь, я познакомлю тебя с процессом нежного, как укус сколопендры, умерщвления? Возможны разные варианты, но результат будет один и тот же – твой милый ротик, которому бы сосать и сосать, забьют комья земли.

– И кто же, интересно, ковырять будет мерзлую землю? Или это входит в твои обязанности? Ты, наверное, не только сутенер, но и что-то вроде шестерки у тех, кто охраняет твой грязный бизнес, – с ненавистью проговорила я.

Ответом был сильный толчок в спину. Я едва не влетела лицом в стену.

– Я не посмотрю на твой фейс, разукрашу так, что родная мама не узнает! – разъярился он еще больше.

– Ты, наверное, привык к подчинению маленьких несмышленых девочек, папочка безусый. – Я отдавала себе отчет в том, что рисковала, по крайней мере своей физиономией, но возмущение, кипевшее во мне, заглушило голос инстинкта самосохранения.

Брусков еще несколько раз тряхнул меня и… отпустил. До моего слуха донесся звук неторопливых шагов. Кто-то шел сюда.

– Ладно, сука, – прорычал Денис, – живи пока. Но если сунешься, предупреждаю – убью!

Я резко повернулась к нему и плюнула прямо в его смазливую порочную морду. Его грозящая мне хорошей затрещиной рука было взлетела, но опустилась, нерешительно повиснув в воздухе на уровне груди.

Да, страсти накалились. Но каково же было мое изумление, когда рядом с нами выросла фигура невозмутимого Шилкина. На Александре было длинное темно-серое пальто. Черный шарф был эффектно повязан вокруг шеи.

– Тебе не делает это чести, Дени, – спокойно сказал он, глядя на Брускова, как на пустое место, – пойдем, – обратился он ко мне в своей расслабленно-меланхоличной манере, – или ты хочешь продолжить общение с этим хамом?

Брусков с ненавистью посмотрел на Александра.

– Тоже мне, заступник нашелся, бери свою су…

Он не договорил, потому что тяжелый кулак Шилкина припечатал его к стене. Денис закрыл лицо руками и стал оседать на пол. Сквозь его сомкнутые пальцы сочилась тонкая

струйка крови. Господи, какой яркий цвет, – в оцепенении подумала я. Мне казалось, что я нахожусь в какой-то виртуальной реальности. Вокруг меня выросли зеркальные стены, и все слова и движения людей, скользящих, подобно смутным отражениям, по поверхности этих стен, почти не затрагивают моих органов чувств.

«…Какой-то свет, какой-то звук
С трудом доходят до сознания…»

Шилкин дотронулся до меня. Я удивленно посмотрела на него.

– Так ты идешь? – ни один мускул не дрогнул на его бледном лице.

От того восторженного и увлеченного человека, которым он предстал передо мной в своем причудливом жилище, не осталось и следа. Маска заиндевелого бесстрастия не давала пробиться ни одному бесконтрольному движению мышц. Ни гнева, ни раздражения…

Я наконец пришла в себя и поплелась по коридору. Александр двинулся за мной. У гардероба мы остановились.

– Поехали ко мне, – тихо сказал Александр, – или у тебя дела?

Тут я вспомнила, что искала его. Амнезия, национальная болезнь латиноамериканцев, столь ярко представленная в бесчисленных сериалах, и в наших, северных широтах, как видно на моем примере, давала о себе знать.

– Мне нужно кое-что сказать тебе. – Я механически достала из сумки номерок и протянула его Александру.

Он положил блестящую кругляшку перед Кирюшей. Тот подал шубу. Александр галантно помог мне ее надеть.

Мы вышли из бара и сели в машину. Уже начинало смеркаться. Я с тревогой посмотрела на Шилкина.

– Ко мне приходил Волков. Он расследует убийство Беловой. Спрашивал про тебя.

– Что конкретно?

– Выходил ли ты из бара незадолго перед тем, как обнаружили труп Насти?

– И что ты ему сказала? – равнодушно спросил Александр.

– А что я должна была ему сказать? – с раздражением спросила я.

Меня начинала бесить его безучастность, выглядевшая нарочитой. Я, понимаешь ли, переживаю за него, выгораживаю, вру следствию, а он сидит как каменное изваяние и со снисходительной небрежностью внимает мне или только делает вид, что внимает, а сам думает о чем-то своем, о Шопенгауэре, например, или представляет, как он мумией плывет по волнам вечности?.. Мне стало смешно. Гнев остыл. Только на дне души все еще томилось капризное недовольство глупенькой, маленькой девочки, которую взрослые отказываются воспринимать всерьез.

– Правду, ты должна была сказать правду, – пробубнил Александр.

– Ты сегодня случайно не разговаривал с майором? – насторожилась я.

– Нет. Успею еще пообщаться с ним.

– Я сказала, что ты никуда не выходил. Никто ничего не помнит, так что…

– Не надо было этого делать, или ты боишься за меня? – склонив голову набок, вяло усмехнулся Александр.

Да он что, издевается? Конечно, боюсь, а то как же?! Стала бы я к нему по сто раз на дню ездить и Волкову мозги пудрить, если бы не переживала за него.

– Откровенно говоря, да. – Я в упор посмотрела на него.

– Подумай, кто я тебе? Зачем тебе все это? – с грустью произнес он.

Ну, прямо лебедь умирающий или Сенека на последнем издыхании: вены вскрыты, кровь почти вся вытекла, и вместо нее по всему телу разливается могильный холод…

Мне опять стало весело. Может, это такое тихое помешательство? Скорее помешательством страдает сидящий рядом со мной мужчина. Я украдкой взглянула на задумчиво-отрешенного Шилкина. Да что с него взять? Он, наверное, витает сейчас где-нибудь за тысячу километров от земли. Путешествует в астрале, так сказать. Это сладкое облако – грез ли, искусства ли – для него настоящая реальность. А действительности, где я распинаюсь, жалею его, нет, бери выше, сострадаю ему, не существует. Нет, она есть, но как некое отраженное несамостоятельное бытие, несовершенно-расплывчатая проекция высшего мира, мира творческой фантазии и духовных откровений… Платонизм, одним словом.

– А про то, что я у туалета с Денисом, Оксана тебе сказала? – выпалила я.

– А что?

– Сказала, что Денис мне расправой угрожает? – решила я уточнить.

– Что вы с ним отношения выясняете… Я же говорю тебе: брось ты все это, занимайся своими делами.

– И поэтому ты так медленно шел? – Я вспомнила его неторопливо-уверенные шаги. – Но я же пришел. – Он словно проснулся, в его голосе зазвучала обида. – И потом, чего ты от меня хочешь?

– О-о! Наконец-то живая интонация! – обрадовалась я.

– Ну ладно, извини. Я ценю твою заботу, но прошу тебя… – начетническим тоном заговорил он.

– Я уже слышала: не лезь, не суетись, не делай того, не делай другого, – вскипев, перебила я Александра, – я не жду благодарности за свою, как ты выразился, заботу.

Я почувствовала, как в горле встал комок слез, ледяной шар смерзшихся разочарования и обиды.

– Если я не достоин твоего внимания, оставь меня. Я не хочу, чтобы ты рисковала из-за меня. Я себе никогда не прощу, если с тобой что-нибудь случится. – Он с теплым светом в глазах посмотрел на меня.

Меня тронули последняя фраза и проникновенный взгляд, но я не могла забыть его неторопливых шагов по коридору, шагов скучающего денди.

– Поэтому ты и не спешил… – с горечью сказала я.

– Денис не опасен, – спокойно возразил он.

– А ты откуда знаешь?

– Исходя из того, что про него рассказывали девочки… – Он кашлянул. – Правда, иногда, говорили они, просыпается в нем какая-то свирепость… Но это быстро проходит.

– Ты думаешь, это он убивает? – Мой голос дрогнул, а по спине забегали мурашки.

Александр пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Так ты подтвердишь мои показания Волкову? – умоляюще посмотрела я на него.

– А что мне остается делать? – улыбнулся Шилкин.

Мне показалось, что он улыбнулся с благодарностью.

– Да, хотела тебя спросить. В тот злосчастный вечер, когда убили Настю, ты случайно никого не видел, когда выходил из зала?

Александр с недоумением посмотрел на меня, нахмурил лоб, скосил глаза и глухо произнес:

– Нет, не могу вспомнить.

– Это и неудивительно, – добродушно усмехнулась я, – витаешь где-то в облаках…

– Так мы едем?

– Я, честно говоря, не обедала. Этот кретин не дал мне возможности насладиться блюдами местной кухни, – шутливо сказала я.

– Пообедаем у меня.

– А чем у тебя кормят? Надеюсь, не высохшими останками царей Древнего Египта?
– Дежурное блюдо – запеченная в духовке птица Тот, – съюморил Шилкин.

Глава 6

Птица, запеченная в духовке, у Шилкина действительно была. Конечно, не Тот, а обыкновенная курица, но вполне сносно приготовленная, с румяной хрустящей корочкой. Вообще еда у него была простая, но вкусная. После обеда мы сели у камина: он – с рюмкой коньяка, я – с бокалом безалкогольного пива, которое он отыскал в недрах своего саркофага-холодильника.

На улице было уже совсем темно, и комната освещалась лишь пламенем горящих в камине дров.

– Ты случайно оказался сегодня в «Гриве»? – Я пыталась заглянуть в его глаза.

– Был в выставочном зале, у меня завтра выставка, – объяснил Шилкин. – Потом зашел промочить горло.

– Все так просто, – вздохнула я. – Представляешь, если бы ты не зашел. Этот гад мог покалечить меня.

– Ничего бы он тебе не сделал, – флегматично произнес Александр, – кишка у него тонка.

– Ты сказал, что у тебя выставка?

– Да, завтра в пять вечера.

– Где?

– В галерее «Арбат». Кстати, я тебя приглашаю.

– Спасибо. Я обязательно приду.

Наш романтический разговор прервало пиликанье мобильника. Я достала трубку.

– Да.

– Оля? Слава богу, – услышала я в трубке: Кряжимский был взволнован. – У тебя все в порядке?

– Да, а что?

– Ты убежала в час и сказала, что вернешься через сорок минут. Скоро будет шесть. Я уже не знаю что и думать.

– Простите, Сергей Иванович, – дела, я скоро приеду.

Я убрала трубку и взглянула на Шилкина.

– Ну, мне пора.

– Ты не останешься? – Он поднялся и, подойдя ко мне, попытался поцеловать.

– Не сегодня. – Я увернулась и направилась к выходу, в глубине души надеясь, что он остановит меня.

Но он не остановил.

* * *

Ну и черт с тобой, ругала я Шилкина по дороге в редакцию, тоже мне – гений. Я ругала его и в то же время злилась на себя, на свою слабость, потому что знала: еще бы немного, еще чуть-чуть – и я утонула бы в его карих, таких безразличных глазах. Утонула бы и даже не попыталась выплыть. Я не могла понять, в чем тут дело. Он ведь не показал мне никакой заинтересованности, даже не захотел, чтобы я осталась. Не ври себе, он оставлял тебя, шевельнулось что-то во мне. Оставлял, хмыкнула я, если бы так, я бы осталась. Все равно я тебя спасу, спасу от этого Волкова, от пустых, гнусных обвинений. Даже если тебе это не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.